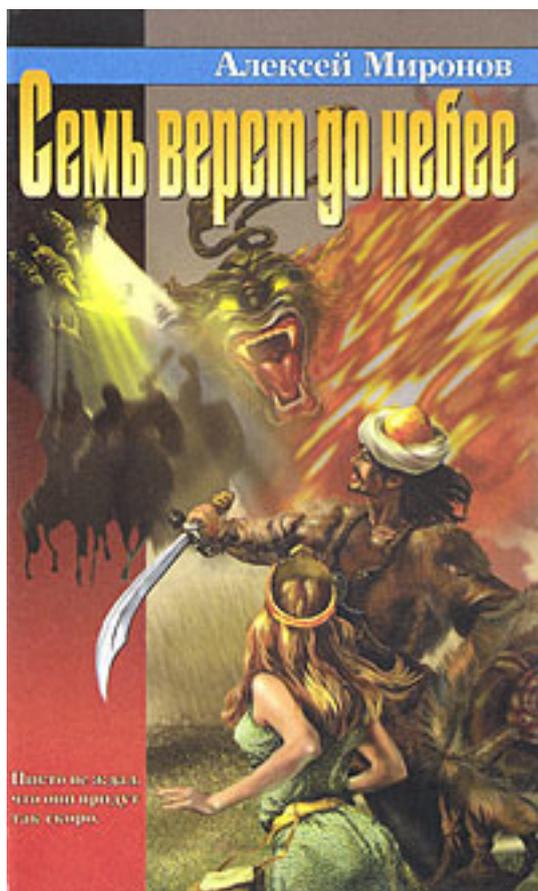

Алексей Миронов

Семь верет до небес

Настоящая
эпическая
поэма

Алексей Живой
Семь верст до небес

«Автор»

1999

Живой А.

Семь верст до небес / А. Живой — «Автор», 1999

В романе описывается нашествие на Русь мавританского воинства из далеких африканских земель. Руси грозит гибель, но сын мавританского царя Арсен внезапно влюбляется в дочь великого князя русичей Ксению. От их любви теперь зависит исход кровавой битвы. В романе есть все сказочные персонажи: кикиморы, русалки, говорящие звери, лешие и богатыри силы немереной.

© Живой А., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Часть первая. Огонь и пепел	5
Глава 1. Колдовской лес	5
Глава 2. Кому клады видятся	13
Глава 3. Поезд свадебный	22
Глава 4. Князь Вячеслав	29
Глава 5. Иван и меч	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Живой

Семь верст до небес

Часть первая. Огонь и пепел

Глава 1. Колдовской лес

Уже солнце клонилось к закату, и все твари земные готовились отойти ко сну, уже смолкло щебетание птиц в лесах и лягушки болотные завели свою вечернюю песню, когда на поле широкое, что лежит перед лесами Черниговскими, выехало великое множество всадников. На всех была броня крепкая, на боку висел меч булатный, а в руке держал каждый воин копье длинное с наконечником острым. Путь держали они неблизкий.

В воздухе вечернем стоял теплый запах хвои, вперемешку с благоуханием трав лесных рождавший аромат густой леса заповедного, нехоженого, что так люб сердцу обитателей земель полуночных, прозывавшихся славянами среди других народов. Впереди всех ехали два богатыря-предводителя: Дубыня, – прозванный так за то, что пять лет назад на дворе князя Ростовского Юрия, выдернул из земли с корнем дуб столетний, и Усыня, – акромья силы в теле коренастом, имевший на лице своем усы самые великие во всей Солнцеградской земле. Вели меж собой богатыри разговор долгий. С тех самых пор, как по зову князя Солнцеградского, что Вячеславом прозывается, дома свои и земли покинули и спешили в терем к князю вместе с дружиною.

– Не мне тебя уму учить, Усыня, но видно весь он у тебя в усы и ушел, – молвил Дубыня, – всякий в нашей стороне знает, что камень сей, это истинно камень ведьм.

– Неправду молвишь ты, брат Дубыня, – отвечал ему богатырь, – и слова твои обидные мне слушать не охота.

– Истинно правду глаголю, – не соглашался Дубыня, – еще матушка моя, царствие ей небесное, Авдотья Микулишна, говаривала мне, малолетнему: помни, как увидишь в руках у кого камушек махонький, что турмалином прозывается, беги оттуда, иначе быть тебе околдованному. Ибо сила его велика, и в один миг злой человек обратит тебя может в пень трухлявый или валун придорожный, и не узнает никто, где жизнь твоя окончилась. До тех пор валуном и останешься, пока добрый колдун сызнава тебя не оборотит в человека.

– Уважаю я родительницу твою, – отвечал Усыня, потирая свои великие усы, – да только по мне все это сказки для детей малых, несмышленных. Нам же, богатырям, не пристало бояться ведьминых козней. Супротив них у нас ответ всегда имеется.

Сказавши это, Усыня поднял висевшую на поясе огромную, обитую железными обручами, палицу и помахал ею над головой, невзначай зашибив пролетающую мимо ворону.

День, однако, клонился к вечеру. Солнце спряталось за край земли, погрузив во мрак ночной весь мир поднебесный. Незаметно, за разговором, въехали богатыри по заросшей высокой травой, давно нехоженой дороге в самую чащу леса. Мягко ступали кони, все звуки глушила земля замшелая. Прервав беседу, остановили они коней, и прислушались. Тишина вокруг стояла необычайная. Только ручеек махонький журчал поблизости. Все звери и птицы спали сном первым, лишь филин-полуночник ухал где-то в дали. Поглядев на сосны вековые, что вдоль дороги тянулись сплошной стеной заслоняя небо огромными кронами, и, поразмыслив неспешно, богатырь Дубыня нарушил тишину лесную.

– Пора, однако, брат Усыня, на ночлег становиться, – молвил он.

– Дело говоришь, – отвечив Усыня и кликнул одного из ратников, – Эй, Михайло, набери дров и огонь запали вон там, в ложбинке, возле ручья. Сваргань чего поесть, апосля выставь дозоры, да спать пусть все ложатся. Намаялись, небось, молодцы за день.

Отряд живо спешился. Шустрый Михайло, взял с собой еще пятерых воинов и соорудил костер. Сырое дерево горело нехотя, ибо мало за свою жизнь видело солнца и много влаги. Вкруг костра, сняв шеломы, уселись отдохнуть и поесть все ратники. Отвязав от седел дюжину добытых по дороге зайцев, Михайло зажарил их на огне. Первого зайца, что был готов быстрее других, как полагал обычай воинский он подал Усыне, второго – Дубыне. Остальные отошли ратникам.

Насыщаясь, воины то и дело поглядывали на хмурое небо, едва видимое меж верхушек высоких кряжистых деревьев. Кони их, к нижним ветвям привязанные, переступали с ноги на ногу, вдыхали ноздрями влажный воздух и поводили ушами, словно ожидая чего-то или прислушиваясь к лесным шорохам. Под пологом леса уже сгустилась тьма кромешная, и в двух шагах от костра ничего не было видно. Лес тот прозывался жителями земель черниговских, сквозь которые отряд богатырский пробирался, темным, а чаще того – колдовским или обманным. Ибо много в глубине его пряталось всякой нечисти, расплотившейся во множестве, особенно в последние годы, и страх перед людьми добрыми потерявшей. Сказывали старики, что помногу люди здесь пропадали, даже охотники и добытчики, ремесло коих в добыче зверья состояло, тот лес стороной обходить старались. Бывало, забредет кто из отчаянных в лес на зайца, а ли на медведя поохотиться, так закружит его здешний леший, зааукает, в самую чащу заведет, откуда и выхода никто найти не сможет. Так и сгинет человек, а может и того хуже – сам в лешака оборотиться, сучками да грибами пообрастет, облик человеческий потеряет навеки. Бают, что не только лешаков, но и кикимор зеленых в местных болотах предостаточно. В самой глухомани они прячутся, случайных путников голосами тонкими и смехом девичьим привлекают, а потом на дно гнилой трясины затаскивают, где и жизнь человечья кончается. Не выносят лешаки и кикиморы духа человеческого. Акромя них по преданиям обитают здесь оборотни, ведуны, шишиморы и шишиги – их родичи отдаленные. А в самой дальней глуши и ведьмы, видать, отыскаться смогут. Для них облика одного не бывает, им все едино, что человеком, что зверем, что птицей, что деревом прикинуться, но чаще всего летают они на помеле или в ступе, огненные следы апосля себя в небе оставляя.

– Того и гляди, дяденька, тройчина грянет, – обратился один из молодых ратников, по прозвищу Алексей, к Усыне.

Богатырь оторвал зубами кусок зайчатины и, прожевав, молвил:

– Похоже. Думаю – не миновать дождя. Знать, сам Дажьбог гневается.

– А скажи, дяденька, – продолжал Алексей, впервые в поход отправившийся, оглядевшись по сторонам, – уж больно лес черен, а лешие здесь не водятся?

Усыня откусил еще кусок зайчатины, поправил сползавшую с плеча накидку алую и ответил:

– Был бы лес, а черти найдутся.

– А ты, говорят, дяденька, – не унимался Алексей, – сам черта видел?

Богатырь наконец расправился с зайцем, вытер сальные руки о густую траву. Вздохнул, поперхнулся, крикнул и молвил:

– Нет, Алексей, чертей я не видал. Поганых за свою жизнь тьму извел, зверей диких, что людей ели, разбойников-душегубов, а вот чертей не видал. Боятся, видать, они меня, за версту обходят. Ты, Алексей, вон Дубыню-богатыря попытай, он знать чертей на своем веку множество повидал.

Сказавши это, Усыня хитро прищурился.

– Расскажи, дяденька, – попросил Алексей, – страсть как послушать хочется.

Дубыня дожевал своего зайца, глотнул медовухи из фляги кожаной, отстегнул от пояса меч богатырский величины огромной, расхохлил волосы русые и молвил:

– Ну что ж, слушайте, коли хотите.

Ратники все притихли, да к костру поближе придвинулись.

– Стучилось это на Духов день, как раз только месяц Зарев на земле начался. Тепло было, хотя солнце уже не так долго глаза радовало. Ребята да девки еще купаться на речку бегали. Урожай в силу входил. Ехал я тогда издалека, от князя Тивирского Лечко, устроившего всем богатырям пир развеселый, потому как дочь свою Христю замуж отдал за князя Лутичей. Был я в то время с ним в дружбе крепкой, а потому надарил мне князь на прощанье подарков: оружие богатое, упряжь да седло, золотом расшитое, для коня моего верного и камней драгоценных для любушки. Ехал я долго. Семь дней, семь ночей длинных. Много земель проехал, людей повидал всяких: и добрых и худых. И вот на восьмой день случилось мне заночевать в лесу, как сейчас, а дело было недалеко от Мурома. Леса там дикие, нечисть так и кишит. Потому как Илья-богатырь тогда в походе был и некому порядок было навести в лесах окрестных. А я про то не ведал. Лег я под дубом столетним на поляне, укрылся накидкой своей и спать изготавился. Ибо, если нет рядом терема, то для богатыря и земля-матушка – всегда постель мягкая. Коня своего Черногривого пастись пустил, потому как он ко мне по первому свисту является, а сам заснул сном крепким. Разбудил меня шум странный. Очнулся я, глядь – нет моего Черногривого, огляделся вокруг, а меж деревьев огни мерцают, да так много, будто лешие по лесу друг за другом со свечками гоняются. Свистнул я в треть силы, думаю, отзовется Черногривый. Тихо кругом, только огней больше стало. Свистнул я в пол силы. Пропал мой конь, не отзывается. Ну, думаю, – бес попутал, надо идти выручать. Хотел за меч схватиться, глядь – нет меча богатырского. Попал ты, – говорю себе, брат Дубыня, – как кур в ощиц. Только сила твоя тебе и осталась.

Делать нечего, встал я и пошел на огни. Только дошел до того места, где они мерцали, глянь, а их уж нет – темень, хоть глаз коли. обернулся я, а огни за спиной моей, меж деревьев по земле текут. И до того их много стало, что лес вдруг словно засветился. Гляжу, а под дубом, где спал я, черт сидит с рогами оленьими, верхом на моем Черногривом. Конь мой верный стоит словно вкопанный, глазом не моргнет, ухом не трепыхнет, сразу видно – околдован силой дьявольской. Подошел поближе я и говорю:

– Ты пошто же, вражина рогатая, коня моего увел да заколдовал?

– А ты пошто, – черт отзывается, – по моим лесам без спросу шатаешься?

– С каких это пор, говорю, богатыри русские у тебя дозволения стали спрашивать? Мы народ вольный, где хотим, там и ходим. Никому отчета не даем, кроме бога да князя.

– Правда твоя, – отвечает черт, – да на половину. Князя-то без вас давно уж по лесам ездить опасаются.

– Верни мне коня моего, да меч богатырский, подобру-поздорову, – говорю я.

– Не спеши, богатырь, – черт бормочет, – отгадаешь загадку – отпущу и меч верну, а нет – быть тебе триста лет дубом придорожным.

Призадумался я, други мои, да видно делать нечего. Нешто, думаю, мать земля не поможет мне загадку разгадать. Черт на выдумку хитер, но и я не прост. Да и не очень мне хотелось триста лет дубом простоять. Скушное это занятие, не богатырское. Обмыслил я дело и говорю:

– Загадывай, вражина, свою загадку.

Вспыхнули тут рога чертовы, замерцали зловещим светом. Ухмыльнулся он, захохотал дико, да так громко, что эхо по всему лесу разнеслось и вокруг поляны дерева порушились с треском-грохотом.

– Вот, – говорит – ты и попался, богатырь. Никому еще загадку мою разгадать не удалось.

– Хватит, – говорю я ему, – воду в ступе толочь, загадывай и дело с концом.

– Что ж, слушай, Дубыня, загадку: на горе крутой, что за лесами дремучими, далеко-далеко от сих мест, живет моя сродственница-ведьма – Мориона. Много людишек всяких, князей да богатырей, за свой век извела Мориона, а помогает ей в делах черных-ведьминских камушек махонький, что хранит она в мешочке кожаном за печкой. Если скажешь мне как тот камушек прозывается, отпущу тебя на все четыре стороны, а нет – в дуб обращу.

И захохотал снова, проклятый, да так, что земля ходуном заходила под моими ногами. Только рано рогатый обрадовался, ведал я еще с младых ногтей от маменьки, как зовется сей камень ведьминский.

– Ты не смейся, – говорю, – идолище рогатое, знаю я имя сему камушку: турмалином он прозывается черным, за силу свою злодейскую.

Смолк мгновенно смех дьявольский, а сам черт, будто сена стог, вспыхнул и исчез. Огляделся я вокруг: огни бесовские тоже погасли. А черногривый мой заржал вдруг радостно и ко мне поскакал. Погладил я его, приласкал. Гляжу на седле меч мой висит. Сел я тогда на коня своего расколдованного, да поехал на родную сторонушку, потому как над лесом заря алая уже занималась.

Закончил Дубыня свой сказ и посмотрел на ратников. Те сидели притихшие, не часто приходилось им богатырей видеть, что с самим чертом виделись, да рассказы их слушать. Так и сидели они молча, пока Алексей, впервые в поход отправившийся, тишину не нарушил.

– Смел ты, дяденька, – сказал он, – я бы так не смог.

– Молод ты еще, – ответил Дубыня, – да ничего, придет и твое время с бесами повстречаться. Не перевелось еще лихо в земле русской.

И только произнес он слова эти, как словно из-под земли раздался голос скрипучий:

– Правду молвишь, богатырь, – много нас по свету живет-мается. И еще много веков не переведется.

Оглянулись ратники, а за их спиной леший стоит. Огромный, рогатый, весь плесенью и сучками поросший. Видом на гнилой пень похожий, только росту восьмисаженного.

– Ты пошто пришел, нечисть поганая, – говорит ему Дубыня, – добрым людям ночлег портить?

– Здесь я хозяин, – проскрипел в ответ леший, – ты с воинами своими в моем лесу на ночлег встал, меня не спросил. Даров не поднес. Меня, да слуг моих, не ублажил.

– Еще чего, – Дубыня ему отвечает, – буду я всякий валежник про ночлег спрашивать. На то я и богатырь – сплю где хочу.

– Смел ты на язык, – сказал Леший и покачнулся. Заскрипело от злобы его тело трухлявое, еще больше плесень позеленела, так что засветился он в темноте, а глазки злобным блеском замерцали. – Да посмотрю я, что скажешь, когда за слова сии здесь и сгинешь навеки.

– А ты меня не пужай, идолище рогатое, – Дубыня говорит, – я и не таких страшных перевидал на своем веку. Ко ли не хочешь коры своей гнилой по бокам лишиться, вали отсюда по-добру по-здорову, не мешай богатырям отдыхать, ночлег не порть. А то, я ведь и осерчать могу. Да так, что глаза твои горящие навеки потухнут.

Сказавши так, привстал он с земли сырой, подбоченился одной рукой и помахал своей боевой палицей перед самыми глазами лешака, во тьме мерцавшими ярко.

Пошатнулся леший от злости дикой. И раздался тут грохот страшный. Все деревья окрестные вдруг ожили, зашевелились во тьме, из земли с треском корни свои повыдирали. Стали они богатырей обступать, руки-ветки свои огромные, сучковатые, к ним протягивать. Зашатался лес, зашумел, криками и стонами наполнился, словно мертвецы из земли повставали и бродить стали вокруг могил своих. Смекнул Дубыня, что ночка жаркой будет, выхватил меч богатырский, да палицу тяжелую над головой поднял, и крикнул:

– Эй, ребята, хватай оружие да руби эту погань, что есть мочи, иначе вовек не видать нам света солнечного, ни родных своих, ни князя нашего! Все в здешнем лесу и сгинем.

Бросились ратники к оружию. Схватились за мечи, да топоры острые и кинулись на лешее воинство. А леший главный, Сардером прозывавшийся, коего Дубыня так приласкал словесно, голосом своим скрипучим всех окрестных лешаков на бой зовет:

– Эй, – кричит, – зеленые! Хозяева топей болотных, да глухоманей лесных. Все сюда спешите! Передумим человечину, что места себе не знает! По лесам нашим без спросу шатаются и порядки свои чинит, не желая знать того, что мы на земле вперед народились, потому и владеть ей только мы будем!

Подбежал к нему Дубыня-богатырь, да как огреет палицей, – от Сардера аж щепки полетели.

– Не бывать тому, – кричит Дубыня, – чтобы нечисть верх над людьми взяла. И снова Сардера палицей по боку жажнул, вмятину в его тухлявом теле сделал.

Опомнился леший, да ручищами своими, что на ветки боле похожи, обхватил Дубыню. Палицу вырвал и переломил пополам, а богатыря с земли приподнял и душить стал. На Дубыня не зря богатырем звался. Оторвал он от себя ветки липучие, схватил меч и давай рубить с плеча. Да так обтесал Сардера со всех сторон, что тот, коры лишившись, стал более на молодое бревно походить, по случайности плотниками в лесу забытое.

А вокруг уже битва жаркая кипит. Ратники меж леших носятся, нанося им раны глубокие, раны смертельные. Шустрый Михайло трех молодых леших пополам рассек, а еще пятерых изувечил немало. Алексей, впервые в поход отправившийся, пятерых в щепки разнес, двоих зарубил, да увидел в сумраке лесном на краю ручья молодую девицу, зелеными глазами да чешую блестящую, и за ней кинулся, топор отбросив. Видно, такая его ярость обуяла, что решил задушить ее голыми руками.

Усыня-богатырь на пригорке сцепился с дюжиной здоровенных лешаков. Мечом машет так, что тела тухлявые пополам рубит с одного удара. Уже вокруг него дров навалено столько, что и ногой негде ступить, а лешаки все насаждают, смрадом болотным на него дышат. Меч Усыни аж красным стал от сечи буйной, раскалился, во тьме светится. Усыня выгоду свою смекнул быстро, зарубил ближнего лешака, да меч из него выдергивать не стал. Подождал, пока тот задымился, да пламя его охватило. Испугалась нечисть, врассыпную бросилась. А Усыня за ней. На коня вскочил, машет мечом красным, сам жара не чувствует, да погнался по лесу в места темные. Кого из лешаков догонит, мечом рубит. Так что вскоре осветились лесные закоулки огнями, будто по низинам уголья костра поразбросали.

А Усыня не уймется никак – все рубит и рубит нечисть лесную, да болотную. Так увлекся погоней, что не заметил сам, как ускакал в самую чащу леса, далеко от костра богатырского удалился. Вылетел Усыня на поляну, что в чащобе глухой таилась, остановил коня, стал слушать где враг нечистый прячется. Вдруг слева скрип и кряхтенье раздалось. Закачались деревья, земля задрожала. Глядь, а на него прет здоровенный лешак ручищи-ветки свои раскинув.

– Прощайся с жизнью человечина! – орет лешак. Рот свои кривой так широко разинул, что Усыню аж смрадом от мухоморов не переваренных обдало из того рта. Поднял он меч раскаленный над головою, да и разрубил одним взмахом лешака подвернувшегося на сотню здоровенных щепок, которые тотчас загорелись ярким пламенем. Опустил меч богатырь, огляделся – один он на поляне, а в самом центре ее чернеет что-то видом своим с избушкой схожее. «Откуда тут человечьему жилью взяться? – подумал Усыня, – не иначе, как ведьма какая в чащобе обретается. А ну-ка наведуясь я к ней в гости, потревожу бабулю». Постоял он в раздумьях немного, да тронул коня своего верно потихоньку. Подъехал поближе, спешился. Пригляделся. Избушка в отблесках лешака догоравшего и правда ведьминской казалась: невысокая, покосившаяся, мхом да поганками поросшая. Но, хоть и худая на вид, а жизнь какая-то в ней теплилась – из трубы еле видный дымок чадил, да искры вылетали. Подошел Усыня к избушке загадочной и дверку, махонькую для его плеч саженных, отворил потихоньку. Нагнулся богатырь, шагнул внутрь, и оказался в жилище неведомом. Никого он не увидел там. Хотя и горел

огонек в очаге каменном, но для глаз все мраком казалось поначалу. А когда развиднелось в очагах, то узрел Усыня на стенах лачуги сети рыбацкие, полные скелетов рыбьих. А вдоль них горшки стояли с варевом неизвестным, но на вид на зелья похожим, ибо исходил от них аромат дурмящий. Взял один горшок Усыня в руки и, едва вдохнул дурман, ощутил себя рыбой хищною в море-окияне, что гоняется за мелкими рыбешками для насыщения, а для забавы заглатывает целиком лодьи купеческие с товаром и людом, на них плывущем. Собрался с духом, да отшвырнул от себя горшок с зельем Усыня-богатырь. Разлилось зелье по земле, зашипело, запенилось.

– И что здесь за рыбаки такие посреди чашобы живут? – воскликнул богатырь. – А ну выходи, покажись кто тут есть! Будь то человек, а ли нечисть какая – никого не побоюсь.

Но тишина была ему ответом. И только тихое мяуканье раздалось из-за очага. Подошел Усыня к нему поближе. Видит, сидит там котенок махонький, шерстка черная, усы белые, а глаза зеленым светом горят.

– А ты животина несмышленная, как сюда попала, в лес-то? – спросил Усыня и хотел было погладить кота по шерстке. Да только не вышло. Извернулся смирный котенок, да как вцепится Усыне в щеки когтями острыми, чуть глаза не выцарапал. Взыл Усыня от боли лютой, отбросил от себя кота бесовского, да на колени упал, глаза ладонями закрыв. И вдруг слышит снаружи хохот дикий раздается. Вскочил богатырь от обиды великой, меч свой выхватил и на поляну выбежал. А над ней баба-яга в ступе кругами носится и метлой трясет, а сама от хохота дьявольского заходится. Да так, что кругом деревья шатаются, словно буря на земле настала великая.

– Ах, Усыня-богатырь, – кричит баба-яга, – ох и глуп же ты, человечье отродье. Лешаков много погубил, а с котом не справился.

– А ну спускайся, ведьма проклятая, моего меча отведаешь! – закричал ей в ответ Усыня, – узнаешь тогда, какой я слабый, да глупый. Карга старая!

А ведьма знай себе небо чертит.

– Я с тобой, Усыня, еще повидаюсь. Настанет твой час, жди.

И, крикнув сие, исчезла в черных ночных небесах, махнув метлой на прощанье. Постоял Усыня посреди поляны, от обиды своей немного оправился, подождал пока кровь запеклась. Посмотрел на лешака тлеющего, вскочил на коня, да дальше поехал, Алексия, впервые в поход отправившегося, поискать надобно было. А то ведь так и сгинет молодец в чашобах колдовских.

Едет богатырь неспешно, конь сам дорогу выбирает. Темень кромешная – хоть глаз коли. Туман еще напозать стал, видать вода недалече. Деревя вокруг за кольчугу ветками цепляются, ехат мешают, но лешаков не видать что-то, деревья все здоровые попадаются. Вдруг слышит Усыня бормотанье тихое, еле различимое где-то в траве, под копытами. Остановился, прислушался. Два тихих голоса ему услышались.

– Я самый старший в этом лесу, – один говорит, – мне триста тридцать три года. Я живу так давно, что сон меня уже не берет.

– Нет, я самый старший, – другой голос ему отвечает, – я помню еще те времена, когда зайцы дружили с лисами, а ежи нас не трогали.

– Ох, не говори мне про ежей, – ответил первый голос, – у меня от этих разговоров вся шкура мурашками покрывается, а шляпка пятнами. От страха я становлюсь заметным.

– В соседней низине, так белка рассказывала, живет гриб-мухомор. Шляпка у него ярко красная, в белую проплешинку. Так его видать издали, не то, что тебя. Я хоть рядом расту, да и то тебя не всегда разглядеть могу, не то что еж. Так что, ты не бойся зря.

Догадался богатырь, что беседу двух боровиков подслушал невзначай. «Что-ж за лес тут непуганый, раз даже грибы разговаривать могут,» – подивился Усыня услышанному и коня вперед пустил, мимо грибов, что незаметными притворились.

Проехал богатырь всего версту по лесу, все тихо вокруг было пока, только туман все гуще с каждым шагом становился. Вдруг смех ему девичий послышался. Звонкий такой, с переливами. Направил Усыня-богатырь коня своего в ту сторону откуда смех раздавался, да и выехал неожиданно на берег озера лесного, со всех сторон соснами и елями мохнатыми заросшего. Конь чуть в воду не оступился, попятившись, а берег крутой был, за ним сразу глубина углублялась. Только-только начинало светать. Хмурое небо кое-где медленно светлело рваными клочьями, но до рассвета еще было далече. А яркого солнца места здешние, небось никогда и не видали, в сумраке лесном постоянно пребывая. Остановил коня Усыня, прислушался. Снова смех девичий услышал, только теперича совсем близко. Раздвинул ветви богатырь осторожно, чтобы себя не выдать, а самому все, что надо, разглядеть, да и обомлел от увиденного. Посреди озера лесного, на вид с болотом обширным схожего, на торчащих из воды островках травы, туманом слегка подернутых, сидело несколько девиц с фигурами ладными, да волосами зелеными. Лиц Усыня не видел. Пальцы у девиц на руках были длинные, а аккурат пониже пояса, то ли чешуя, то ли тина болотная все закрывала. Акромя тины никакой одежды Усыня на них не увидел, из чего понял богатырь, что кикиморы это болотные перед ним, как есть сидят. Но больше всего подивился Усыня, когда узрел в самом центре озера лесного, на коряге из воды торчащей, юного Алексея, впервые в поход отправившегося, в обнимку с кикиморой зеленоглазой. Алексей сидел не шелохнувшись без кольчуги, без одежды, в одном исподнем, а кикимора поганая к нему так и льнула своим телом мокрым, тиной покрытым. Ясно стало Усыне, что околдован молодой воин подводными девицами, чарами усыплен в нем разум богатырский, только взгляд филина-полуночника ему и остался. Решил он ратника своего несмышленного, по неразумению в беду попавшего, из нее выручать, ибо старшим был в отряде богатырем. Пришпорил Усыня коня верного и бросил в озеро вplash. Прыгнул конь в воду, подняв тучи брызг вокруг себя, поплыл к Алексею. Кикиморы же, увидав человека, с дикими криками в воду сиганули, только успел Усыня их старушечьи морды, морщинами иссеченные, заметить. Но не успел конь доплыть до середины озера лесного, где коряга с Алексием околдованным находилась, как все кикиморы вокруг коня собрались и давай его щекотать, да так, что конь верный богатырский заржал дико на весь лес, да копытами по воде забил. Уже совсем было Усыня решил, что смерть пришла, ибо никто еще живым из воды от кикимор не уходил, того и гляди и его зашекочат – уже и руки свои скользкие зеленые кикиморы к нему тянут, да только богатырь тоже был не лыком шит. Изловчился он, меч свой выхватил, да как давай им кикимор лупить по головам, из воды торчащим, да по рукам, что к нему тянутся отовсюду. Бьется Усыня, а сам видит, что Алексея околдованного – добычу свою – кикиморы к берегу тащат, а там его два здоровенных лешака подхватили, да в лес поволокли. Разъярился Усыня. Засвистел меч в воздухе пуце прежнего. Сечет головы старушечьи с волосьями да глазищами зелеными, пальцы длинные с когтями острыми. Насилу отбилась богатырь. Отстали проклятые. На воде лишь ошметки волос зеленых остались. Только глянул Усыня в сторону коряги, а Алексея, впервые в поход отправившегося, уже и след простыл. Уволокли чудища водяные, болотные да лесные его в самую глухомань пока богатырь от кикимор отбивался.

Повернул Усыня коня обратно к берегу, а как доплыл, пустил его вскачь вкруг озера сквозь лес темный. Скакал он долго без отдыха, да только все зря – лешаков с Алексием пленным уже и след простыл. Остановился богатырь на поляне, мхом да мухоморами поросшей. Куда скакать за ним далее, в какой стороне искать? Велик и черен был здешний лес, без конца и краю. Полон всякой нечисти. Только тут вспомнил Усыня, что отряд его остался биться с лешаками на поляне у дороги. Что с остальными ратниками случилось он не ведал. Пора было возвращаться. Поразмыслил Усыня, и решил вернуться к воинам оставленным, с Дубыней-богатырем совет держать как быть дальше. Алексея одному не найти, да и поспешать надо было уже на зов княжеский в Солнцеград.

На обратной дороге примечал Усыня головешки тлеющие. Повсюду в низинах одни уголья горящие лежать остались. Лешаки, почитай, все и сгнули. Мало кому удалось меча Усыни уберечься. А кто убежал, навечно запомнил его силу огненную.

Вернулся Усыня под утро. Бой на поляне уж закончился. Много в том бою леших сгнуло, надолго леса окрестные от них отчистились. А ратники все живы остались, синяками да шишками отделались. Только одного Алексея, впервые в поход отправившегося, недосчитались. Долго искали его потом по лесу, да так и не нашли. Видимо, уволокли его лешаки сбежавшие с собой в соседнее темное царство. Узнав об этом, Усыня с Дубыней порешили на обратном пути повывести всю здешнюю нечисть лесную, а Алексея отыскать. Надежда была, что жив воин, потому как лешие пленников своих не убивали, а пытались обратить в такую же нечисть. Ждали, пока они свой дом да родню позабудут, и от голода станут есть кору да поганки. А со временем сучками обрастут, зазеленеют и вовсе в леших обернутся. Алексей же, хоть и впервые в поход отправился, слыл воином крепким. Потому чаяли его богатыри живым застать, а пока поспешать надо было в Солнцеград к Вячеславу князю.

Перво-наперво приказал Усыня принести к нему обтесанного лешака Сардера. Дубыня богатырь его в плен взял. Стерегли Сардера пять добрых молодцев, в плечах у каждого сажень кося. Принесли они Сардера, бросили к ногам воеводушки. Леший и впрямь на обтесанное бревно походил. На всем его зеленом теле одни лишь глазки остались, в коих уже не было злобы, а жил лишь страх один. Жалок был бывший хозяин лесных глухоманей. Взглянули на него Усыня с Дубыней и порешили: отвезти в Солнцеград к Вячеславу на забаву. Мастерские люди из него седушек для гостей заморских, да ложек резных понаделают, али еще чего.

Услышав сие Сардер взмолился, чтоб отпустили его и бросили в глубокой придорожной канаве рыжим голодным муравьям на съедение. Но тщетно. Богатыри решения своего не изменили, ибо раз решив, никогда от своего слова не отступались, так на Руси было заведено среди людей добрых. Лешего крепко-накрепко связали и к двум лошадям подвесили. Уже совсем рассвело, когда отряд богатырский во главе с Усыней и Дубыней покинул поляну у дороги и продолжил путь свой через колдовской лес к Солнцеграду, где ожидал их князь Вячеслав.

Глава 2. Кому клады видятся

На правом берегу широкой речки Туренки, что текла по землям вятским, раскинулось село Перехватово. Жили там люди веселые да работящие, туряками прозывавшиеся. Летом промышляли они ловлей рыбы да грибов сбором. Слыли в народе туряки охотниками первейшими и на многие дни уходили промышлять медведя, вепря, лося, а ли птицу какую в лес глухой без страха. Сказать надобно, что почитай к самому селению со всех сторон походил лес темный, дремучий, в котором живности всякой было видимо-невидимо. Лес этот кормил обитателей села невеликого. Акромя Перехватова по реке ни вверх ни вниз по течению никаких сел не было верст на пятьдесят с гаком, а то и более. Никто не мерял.

Домов на том селе стояло – как пальцев на двух ладонях. Ровно столько же семей там и жило. Старейший обитатель Перехватова был дед Макарий, а обитал он в крайнем дому, срубленном еще его дедом собственным по случаю женитьбы сына, то бишь отца евойного. В незапамятные времена это было. Дед давно уж помер от лихоманки, да и отец Макария тоже – задрал его косолапый на охоте. Один рос Макарий. Дружки да люди добрые только ему и были опорой. Так и вырос один, как сосна высокая на утесе каменном. Но грех Макарию на жись жаловаться. А он и не жалился. Неплохо пожил он. Многого на своем веку долгом перевидал. И тонул дважды под ледоход, и леший трижды в чаще зааукивал, и кабан разъяренный клыком под ребро угодил да по земле повалял, и трясовица не единожды приключалась, и немочь огненная, а все живым выходил. Видать свезло Макарию. Не оттого помереть должен. Ну, да это кому как на роду написано.

Сызмальства дружил Макарий с Федосом, мальцом, что по соседству обитал. Федос сыном был Игната-медвежатника, лучшего охотника на селе. А может и на всей Туренке, никто не проверял. Всю жизнь они не-разлей-вода были. И по грибы вместе шастали, и рыбу удить в ночное, а подросли, так охотится всегда на пару ходили и дичи добывали помногу. Как пришло время ожениться, да остепениться, так оба и оженлись почитай в один год. Макарий посватался к Евдокии, старшей дочери кузнеца Вавилы, девице здоровой, работящей да красивой, с косой длинной, аж до пят доходившей. А Федос выбрал себе в жены Добраву, дочь младшую Варлама-кузовщика, что кузова плел всех лучше. Девица пригожая, скромная и ростом невеликая. По всему она Федосу приглянулась. Сродственники девиц не против были и отдали их за муж с благословением. Федоса свадьбу перед Святками сыграли, а Макарий оженился близь Семика.

Однако-ж, Перед тем как свадьбе Макария быть, пришлось отцу его семейство кузнеца Вавилы, откудова невесту брать собирался, множество раз посещать. Отец Евдокии для порядку, понятное дело, поначалу все отнекивался, мол, девица еще не в соку, да приданого к ней еще не сшито-соткано достаточно для замужества вечного, обождать бы надо, и все отказывал. А отец Макария, понятное дело, сына нахваливал – мол, парень – чисто-золото, хоть и молод, но уже охотник, добытчик не последний, не дурень и руками своими сотворить чего полезное может. Ну, на третий раз сговорились все-таки, свадьбу близ Семика назначили и подготавливаться стали с сему событию – вытницу искать, чтоб за молодую поплакала, вежливица – чтоб сглаз от молодых отвел, да кому кем в свадебном поезде быть.

А сговаривались отцы молодых так долго от того, что Евдокия пред тем несчетно раз на мужа гадала, много способов испробовала и каждый раз ей новость была непонятная, приводившая девицу в смятение.

Первый раз гадала Евдокия со своими подружками верными Любовой да Марьяной на мужа будущего башмаком. Собрались как-то раз девицы под вечер, когда солнушко еще висело над лесом и землю лучами последними грело, во дворе у Марьяны. Как полагается при том гадании, подошли они к самым воротам со двора, сняли каждая с левой ноги башмаки свои

красные и за ворота кинули. А после чего стали смотреть куда те башмаки упали, в какую сторону носками легли. Ибо куда ляжет башмак носком, в ту сторону будет отдана девица замуж. А ежели башмак ляжет носком к воротам, из которых выкинут был, то девушке в этом году жить дома, и замуж не выходить.

Любавин башмак лег носком в дальнюю сторону, туда, откуда начиналась единственная тропка вдоль реки Туренки, что вела в дальние селения. Опечалилась девица, видно очень ей хотелось на родном селе замуж вытить, неподалеку от маменьки родной, ибо не сильно она к хозяйству приучена была. Опасалась – вдруг муж прозорливый, да драчливый попадет, и что ей тогда горюшечке делать? Но, видать, ничего тут не переменить уж было. Раз башмак носом лег в дальние края, значит скоро собираться в путь-дорогу.

Марьянин башмак упал носком в сторону горки лесистой, на которой три дома главных охотников да добытчиков села Перехватова стояли. В каждом доме по трое сыновей подрастали. Все как на подбор – кровь с молоком, сажень косая в плечах, а то и две. Никто не мерял. И, почитай, все находились в том самом возрасте, когда сродственники мечтают их оженить поскорее, а они сами об этом и не помышляют, пребывая в забавах резвых да игрищах молодецких. У Марьяны от того гадания аж глаза загорелись, а потом в разные стороны чуть не разбежались – столько женихов сразу привалило, поди разберись который суженый. Призадумалась девица.

А башмак Евдокии упал посередине дороги, да только аккурат носом к самым резным воротам. Сие означало – сидеть тебе девица в этом году дома, песни петь, да пряжу прясти, и про парней не вспоминать. И все бы так и сложилось для Евдокии, если бы не случай странный. Аккурат неделю погодя к ним в дом заявился отец Макария сватать ее за своего молодца чисто-золото. Событие сие совсем не по гаданию выходило. Евдокия удивилась, и на пару с Марьяной призадумалась крепко. Что-то гадание странно выходило, неправильно. Наверное, башмакам верить нельзя никак.

Дивилась Евдокия целную неделю, а потом решила сызнава погадать на суженого. Только на этот раз испробовать гадание у ворот. При сием гадании выходят девушки, которые на мужа гадают, к воротам. Выйдут вместе и встанут у ворот самых. Только гадание это надо обязательно ночью темной гадать. В ту пору, когда все люди добрые спят и помехой забаве девичьей не служат. Выйдут девицы тогда и, стоя за воротами посередине ночи, говорят еле слышно промеж собою: «Залай залай собаченька! Залай серый волчок!. Где залает собаченька, там и живет мой суженый!» Сказывают, откель лай собачий, а ли вой волчий услышится, туда и отдадут красну девицу замуж. Чем глуше и дальше будет лай слышен, тем дальше от дома ей и обретаться с мужем. Ежели вдруг лай хриплый окажется, знать – сочетаться ей молодущеньке несчастной со стариком. А коли звонкий и тонкий окажется – считай повезло, молодой жених сыщется.

Как пришло время гадать собрались девицы-красавицы опять вместе – Марьяна, Любава, да Евдокия. На этот раз у Евдокии в избе дело было. Посидели на зорьке немного под окном, семечек ползгали, песни душевные попели про леса, да страны разные, что за речкой Туренкой находились, но коих никто никогда не видывал. В тех странах, бают, змеи семиглавые обретаются, что огнем пыхают, в речках темных глубоких там рыбы длиннотелые со стальной чешуей, с кольчугой схожею, водятся, да людей случайных, что в брод, а ли на плоту путешествуют, жизни лишают. Сон-трава там повсюду растет, в лесах заколдованных туман висит вечный под соснами, папоротники круглый год цветут, в земле клады древние светятся, медведи бурые по-человечьи разговаривают, а разбойники-душегубы а после смерти в той стране покой находят. Посидели девицы, языки почесали, а солнушко уж скрылось давно, за окном ночь настала теплая.

Как улеглись спать сродственники Евдокии на печи, девицы шасть на двор и за ворота. Встали они посередине дороги, осмотрелись. Не видать не зги вокруг, хоть глаз выколи. Забавно

девицам, что будет. Встали втроем Марьяна, Любава, да Евдокия, прислушались. Тихо над деревней Перехватово, к коей лес почитай вплотную подступал. Слышен только шум речки Туренки, что поблизости течет. Да в лесу птицы первые ночные щебечут, еле слышно переговариваются. Народ деревенский спит, должно быть, уже крепко. Десятый сон видит.

Вышла вперед Марьяна и говорит:

– Залай, залай собаченька. Залай серый волчок!

Тишина в ответ была время малое, а потом вдруг на околице лай раздался громкий. Аж вздрогнула девица от неожиданности, от темноты ночной и чувств вострых. А собачка все не унимается, знай себе заливается. Да близко так и звонко – видать в своей деревне Марьяне жить, за добрым молодцем не старых лет. Но, вскоре смолк лай всё-таки. Теперь Любава вперед выступила, полную грудь воздуха набрала для храбрости и говорит в свой черед:

– Залай собаченька, залай серый волчок!

Как и в первый раз тишина была, но на сей раз время долгое. Простояла так Любава без движения, дыхание в груди затаив от страха и предчувствия. Но ничто тишину не нарушило, лишь деревья вековые в лесу темном шумели да постанывали несильно. Уж совсем решила Любава, что не судьба ей восточку получить от суженого, как вдруг, далеко за лесом необъятным завыл волк серый. Да хрипло так, с надрывом завыл. Хоть и выл он со всей силы, да видать далече обретался, в чаще самой, а то и еще далее, потому как хриплый вой его еле слышен был в деревне Перехватово. Услыхала лай Любава и вздрогнула. Хриплым и далеким он казался – знать, быть ей за стариком и вдали от дома родного дни свои молодые проводить до самой старости. Уж второй раз гадание ей дальние края предрекало и путь-дорогу. Опять пригорюнилась девица.

Настал и Евдокии черед.

– Ты залай собаченька, залай серый волчок! – говорит она.

И прислушалась. Все также ветер легкий ночной дерева колышет. Шумит поодаль речка Туренка. Спит деревня Перехватово в глухомани лесной затерянная. Спят все ее обитатели, акромья трех девиц молодых, что в ночи темной на перекрестке тропок деревенских судьбу свою аукают. Ждала Евдокия долго, но так и не дождалась. Не залаяла собачка ни близко ни далеко. Не завыл серый волчок в дали далекой. Все также в тишине ночной лежала деревня Перехватово. Постояли так девицы, да по домам своим разошлись в чувствах-сомнениях. Кому что, а Евдокия решила, что уж ей-то точно замуж нет пути в этом году. А на утро опять отец Макария заявился сватать ее за сына. Мысли у Евдокии спутались и решила она вновь гадать. Что-то первые гадания у нее все неправильные выходили.

В третий раз собрались подружки погадать на суженого у Любавы. На сей раз решили они суженого на ужин пригласить. Гадать, правда, одна Евдокия решилась. Марьяна с Любавой судьбу свою уже решенной почитали и теперь только ее свершения ожидали со дня на день. А Евдокии будущее в тумане еще находилось и требовало прояснения скорейшего.

Пригласить на ужин суженого – дело непростое. Тут Евдокии помощь подружек пригосилась. Гадание сие так творить надо: перво-наперво, накрыв на стол для суженого, надобно две миски и кружки две поставить, хлеб-соль, ложки. Близь полуночи девица, которая будущее свое пытается, сесть должна за стол одна-одинешенька, очертить вокруг себя линию на полу, чтоб нечистая не подступилась, и сказать: «Суженый, ряженный приходи ко мне ужинать.» Потом ждать надобно. Лишь только полночь настанет, непременно жених явится в том самом наряде, в котором он должен быть на свадьбе. Явится и за стол рядом сядет.

На всякий случай девица красная под боком с собой петуха должна иметь, ибо, если не поможет зачурание, а ли гость засидится дольше нужного, то надобно хорошенько того петуха давнуть, запоет он и видение исчезнет. Те, кто гадал, сказывают, будто если призрак что-либо вынет из кармана и положит на стол, то стоит зачурать предмет сей и видение пропадет, а оставленное останется на владение красной девицы. Бывало суженый, отужинав, оставлял чего

ценного – мех там какой, гребешки-заколочки, а то и украшения золотые. И уж обязательно, прежде чем являться самому суженому, появятся из ниоткуда знамения: ветра свист, запах серный, а иногда дух смрадный.

Евдокия все сделала как велено: две миски поставила с кружками, хлеб-соль сварганила, круг от нечистой силы очертила, под стол дубовый петуха пустила. Тот смиренный оказался, его Любава сонного с насеста сняла. Сел петух под столом и заснул опять. Апосля всего Евдокия стала ждать полуночи, до коей недолго уже оставалось. Подружки ейные Марьяна с Любавою за дверьми караулили, чтоб в случае чего подмогнуть, да и интересно было им узнать чем гадание окончится – страсть!

Так прошло времени довольно много. Сидит Евдокия в комнатушке одна-одинешенька. Страшно ей, но знать хочется кто ей явится – Макарий, а ли кто другой. Уж больно жисть ее с гаданиями не сходилася. Сидит она, по сторонам оглядывается. Вдруг, в избе дух смрадный появился. Евдокия терпит, но с места не двигается. Вот стол задрожал, пламя свечи заколебалось, миски запрыгали, да вязанки луковиц, на нитку суровую нанизанные, что у потолка подвешены, закачались. Боязно Евдокии сидеть, бежать уж хочется, но – охота пуще неволи. Узнать бы – кто явится. И тут, вдруг, окно открылось, дым повалил и черт на свинье внутрь влетел. Спрыгнул он со свиньи и за стол к Евдокии подсел, телом с мужиком схожий, а голова как у оленя-одногодка.

– Ну, угощай, суженая моя, – говорит, – коли звала.

Евдокия обомлела от ужаса, ни рукой ни ногой шевельнуть не может. А на столе яства откуда ни возьмись оказались, кушанья заморские. Черт на них и накинудся. Ест и причмокивает, аж за ушами трещит. Рога его ветвистые в потолок низкий упираются. Оторвался он от трапезы ночной и говорит Евдокии:

– Что молчишь, суженая, а ли не люб я тебе?

Раз – дымом весь окутался. Глядь – вместо мужика с головой оленьей сидит рядом с Евдокией рыба-Сом с чешуей блестящей. Ростом в человека, рот клыкастый открыт, пузыри пускает, глаза навывкате, усищами шевелит.

Тут Евдокию силы и покинули. Закатились глаза раскосые и упала она навзничь посередине комнаты. От шума этого петух проснулся и заголосил. Испужался, видать, черт крика петушиного и враз исчез. Хорошо хоть Евдокию с собой не унес, а то попробуй отыщи ее потом где неведомо.

Как вернулись силы к Евдокии, поднялась она с пола, огляделася. Никого в избе акромья ее самой не было, только дух смрадный стоял плотно. На столе две миски стоят надтреснутые, а рядом гребень золотой лежит. Испужалась Евдокия его брать. Баяли, гребень заколдованный мог разума лишить, в царство темное увести, а то и ведьмой сделать супротив воли. Зачурала Евдокия его – гребень и исчез со стола, растворился. Видать нечистый был.

За окном, меж тем, рассвет наступил. Солнце лучиками землю греть начинало. Марьяна с Любавою спали в сенях сном крепким, знать напущенным, ничего они и не слышали. Порешила Евдокия им ничего не сказывать, мол и сама случайно задремала, а то разнесут подружки сказанное по всей деревне, так ее, чего доброго, и за ведьму посчитают. А еще сама с собою Евдокия поразмыслила и надумала замуж выттить боле не загадывая. Ежели к ней черт повадился, – то уж лучше за мужика рукастого, чем за черта рогастого. И велела своему тятеньке отцу Макария согласие дать. На том и сладили.

От гаданий Евдокия впредь отказалася – больно штука сия боком выходила ей. Хотя девицы да бабы на селе частенько гадали и ее звали, но она с тех пор не шла, ибо они все больше на суженого гадали способами разными. Полотенцем гадали. Вывешивают, бывало, полотенце белое из окошка на ночь, приговаривая: «Суженый мой, ряженный приди и утрися». Если полотенце на утро вымочено, значит быть девице в этот год замужем; а если к утру снимет сухим, то не выйти в этом году. На поленьях гадали. Подходят девицы в том гадании к поленице

задом, или зашурясь, и берут из нее без полено разбора, кому какое попадет. Затем каждая свое осматривает, из чего помысливают они о женихе будущем разное, что видится. Гладкое полено в коре ровной и тонкой пророчит жениха хорошего и красивого, ежели полено с корой шершавой – жених на вид страшен будет, в толстой коре полено – богатого жди. Если чурка местами драная или без коры полено – быть девице за бедняком, толстое полено – жених сильный, либо прожорливый, с сучками – семья у него числом не малая. Ну а как кривое попадет – выйдет девица за урода или одноногого.

А еще гадали под окном. В полночь, сядут девицы у окон, и каждая из них приговаривает: «Суженый! Ряженый! Поезжай мимо окна.» Если которая из них услышит поезд с криком и свистом, то ждет себе жизнь веселую и счастливую; если же поезд тихим будет, то предвидит девица жизнь бедную.

Но, Евдокии сии увертки стали уже вроде ни к чему. Она в мысли утвердилась и решила за муж вытить по всем правилам и по своему разумению. Перво-наперво, как сговорились и свадьбу близь Семика назначили, молодую невестушку в последний день перед свадьбою, что девишником прозывается, в баньку сводили – такой обычай был в Перехватове. Расптели ей косу русую, что до пят доходила, и долго терли-намывали в баньке ее тело белое под завывания вытницы. Пела вытница долго песни разные, но все больше те, в которых боги славянские любви и радостей Ладо, Тур и Лель вспоминаются. Невестушка, тем временем, рыдала о жизни своей веселой незамужней, прощалася, как положено, с молодыми годами, с подруженьками верными, с игрищами забавными. А как намыли невестушку – повели в дом родительский, где матушка ее и подружек брагой и словом добрым встретила, да ужинать усадила, как полагается.

Макарий аккурат в то самое время тоже в баньке с дружками парился. Не столько обычая ради, сколь грязный был, с охоты только воротился. Приволок медведя цельного на свадьбу своей невестушке, вместе с Федосом добытого. А покуда он там намывался, да бражничал, около баньки вежливец творил свои заговоры, чтобы отвратить нечисть всякую и порчу от молодых отвести на веки вечные. Говорил он так:

– Покорюсь-поклонюсь, сей день – сей час, утором рано – вечером поздно! Благослови меня Буй-Тур храбрый – с князем, с тысяцкими, с большими боярами, со свахой, с дружкой и с подружкой, ко княгини ехати, княгиню получитьи, с княгиней в дом приехати. Стану – поклонюсь, благослови меня Буй-Тур храбрый! Дай нам путь-дорогу!

На день следующий начали сродственники обряды творить кои положено. Федос всегда первым дружкой Макария был, ему и выпало сватом быть. Ездил он для порядку несколько раз в дом к невесте принародно уговаривать. Дары всяки дарил, безделушки красивые, на меха у редких заезжих купцов сменянные. Песни пел с родней Макария будущей. На третий день положили поезд свадебный за невестой посылать. Поезд так составили: первым на телеге с женихом, коего в тот день князем звать положено, отец крестный Макария ехал, Бажен Поздеич, царя изображавший. С ним вместе братья старшие или дядья жениха – тысяцких должны и бояр видом показывать. Да только братьев у Макария не нашлось – один рос. Потому дядьки его Прохор и Федул места сии заняли. За ними на телеге следующей крестная мать, тетка и свахи ехали. Апосля всех дружки жениха и подружки невесты. А самый последний в поезде том – колдун в звании вежливец для оберега от нечисти, ибо родители молодых опасаются будто свадебный поезд злые духи могут оборотить в зверей диких или птиц хищных из зависти к чужому счастью, а ли просто из того, что призваны царем темным зло творить и всякого доброго человека мучить.

На этой свадьбе, к счастью, нечисти кругом не наблюдалось. Довезли молодых подбру-поздорову вокруг деревни до дому Макария, еще дедом срубленного. Всю дорогу пели песни величальные. А как добрались, то в доме продолжили. Перед тем как войти в сени по обычаю осыпали Макария с Евдокией хмелем и зерном, чтобы жили они счастливо и горя не мыкали.

Жить им желали все сродственники толсто, то бишь богато, сидеть на мехах, а спать всю жизнь на снопах, что означало прибыток в доме и богатство бескрайнее. Потому постилали им ржаных снопов в горнице вместо постели и усаживали молодых на меха. Всякий раз притом пели песни, величали отца с матерью, богов славянских Тура и Лея, да еще Ладо, любовь и радость приносивших.

Понятное дело, в самый разгар свадебного застолья похитить невесту полагалось и выкуп за нее потребовать с жениха и дружек его. Что и сотворили Федос с Николашей, упрятав Евдокию в чулан, под хохот и веселие общее, под шум гусельников и вой сопелок. Ну а как наступил первый вечер свадьбы многодневной – испекли новобрачным яство вкуснейшее, прозывавшееся куря вечерняя. Как наелись молодые сей кури, да медовухи сладкой испили, потянуло их на разговор душевный, который, понятно дело, уединения требует. А уединение молодым в такой день только в сеннике дозволяется.

Сенник, где молодым спать, так убирался – по четырем углам стрелы втыкали острые, а на каждой из них по соболю, а ли куннице с калачом вешали. На лавках по углам ставили посуду оловянной с медом. Самую постелю брачную делали на двадцать одном снопе, ибо из числа уважался у большинства русичей нечет.

Апосля того, как подали на стол последнее кушанье, то бишь курю вечернюю, главный дружка жениха Федос обернул остатки сего кушанья, а вместе с ним калач с солонкой, скатертью и отнес все это на постелю, куда вслед за ним отвели и молодых. В дверях Макария с Евдокией посаженный отец встретил, сдал, как полагается с рук на руки новобрачную мужу ее, сделал ей пристойное нравоучение и советы дал как жить в супружестве.

Что далее было – про то только Макарий да Евдокия ведают, остальным пилося сладко и до молодых боле дела не было. Покудова сами молодые незнамо чем с сеннике занимались, остальные напились медовухи, да спать повалились в скорости. Только дядьки Макария Федул да Прохор стойко держались, а к утру их на разговоры потянуло. Стали они друг дружке истории всякие сказывать, да по очереди удивляться. Про клады посудачили, что в земле лежат. Таких на берегу Туренки не бог весть как много было, конечно, но было. Сказывали, что разбойники-душегубы, что всю жизнь свою по лесам от войска воеводского прячутся и людям добрым проходу не дают, клады сии в берегах Туренки и запрятали в местах укромных. Клады те на крови людей убиенных замешаны, потому лежит на них заклятье страшное. По началу лета прошлого, аккурат на Ивана Купала, отправился один мужик перехватовский, Евлампием прозывавшийся, родню навестить в село дальнее Верхотурино, что стояло в трех днях пути выше по течению реки. По тропинке шел, что вдоль берега вилася, еле под травой видная, потому как хаживали по ней раза три в год, не более. Два дня шел Евлампий, никого на пути своем не встретил. Лег под березой по полудни и заснул. Сморило его. А как очухался, так уж полдня проспал, вечерело. Покумекал мужик – вроде к ночи дело идет, да только ждет его родня этим днем вовремя – на именины торопился к сродственнику, ну и пошел себе. Благо, ночь похоже звездная выходила по всем приметам и теплая, а итить он вдоль берега должен – авось не заплутает в потемках. Идет так себе Евлампий, песни под нос мурлыкает. А дело было, как сказано, аккурат на Ивана Купала. В ту пору во всех окрестных землях, населенных русичами и племенами близкими, погода стояла сухая и жаркая, какой отродясь не бывало. Травы рост начинали, хлеба удались, но самое великое дело творилось по ночам в уголках заповедных, лесах сумрачных. В такое время в низинах лесных, скрытых от глаз людских, цвел папоротник. Много про него сказывали, но самая чудная сказка была о том, что в ночь на Ивана Купала начинали сами собою в земле клады драгоценные светиться. Не всякий человек, баяли, их увидеть мог. Мол, открывались они только тому, кто в них свято верил и чист был сердцем и душою. В ночи такие в деревнях не спал почитай никто. Ребята да девки всю ночь на Ивана Купала в речках лесных нагишом купались, апосля чего разводили костры, да чрез огонь сигали с криками и визгами. Накупавшись вдоволь, шли они под утро, когда туман лес-

ной еще не рассеялся в низинах, искать клады богатые посреди зарослей папоротника. Туман в том помехой не был, ибо настоящие клады видят не глазами, а для тех кто видеть мог они и сквозь туман покажутся. В ночь, когда в лесах папоротник цветет, никакой зверь людям худого не сделает – ни волк с глазами желтыми хищными, ни медведь бурый, ни вепрь клыкастый, ни лось с рогами ветвистыми. Броди до самого утра по лесу заповедному – ничего с тобой не случится, ибо только одну ночь цветет папоротник, и в эту ночь никакая сила сильнее его не бывает.

Идет, значит, Евлампий себе в сумерках по берегу Туренки, под шум ее себе под нос песни мурлыкает, ветки деревьев, над тропой нависших руками раздвигает, и вдруг – чу, голоса ему послышались. Остановился он, прислушался. До деревни далече вроде бы еще, а людям добрым в ночи неоткуда взяться. Видит он около самого берега лодья плывет, а ней люди с факелами горящими что-то замышляют. Темень вокруг уже опустилася, полночь близится, потому людей тех видать здорово. Присмирел Евлампий, встал и смотрит сквозь ветки, что далее будет. Лодья та скоро к берегу приткнулася, вышли из нее десять лихих молодцев в кафтанях коротких и с саблями на боку. Четверо факелами смолистыми путь освещали в ночи темной. А остальные шестеро молодцев сундук промеж себя несли, железными обручами окованный. Тяжелый, видать сундук, ибо сильно уж они тужились, хотя и не хлипкие с виду. Пошли они в тишине ночной на холм высокий, через который как раз тропка проходила, что вела в Верхотурино. А Евлампию страсть как узнать охота, что они там за сокровища прячут – он за ними втихаря и двинулся. Крадется следом, яко тать в нощи, боится себя шумом малейшим выдать, но охота – пуще неволи. Хоть и боязно, молодцы-то больно страшные и видом своим с разбойниками-душегубами более всего схожие. Таким честному человеку кровь пустить, что чарку браги выпить. Но, уж больно сундук у них примечательный. А ну как там золота видимо-невидимо, а ли камней драгоценных? Так Евлампию только место заприметить, а потом с родственниками вернуться, да и откопать, а там – живи себе царем, на всех хватит. Хоть и нехорошо воровать-то, ну так ведь добро там в сундуке тоже не своим горбом нажито, а хозяйева евойные наверняка давным-давно уже в земле гниют и супротивиться не будут. Поразмыслил так Евлампий промеж себя и потихоньку дальше двинулся, а дух золота уж прямо ноздри щекочет.

Молодцы-душегубы меж тем уже не холм прибрежный поднялись, а на нем ни единого деревца нет, только чуть поодаль, в двадцати шагах, березка кривая растет. Стоят молодцы, помышляют о чем-то злодейском под блеск факелов смолистых, а их отовсюду хорошо видать, даже подходить близко без надобности. Тут еще и луна разыгралась, последние облачка от нее отошли и осветилось вокруг все серебром загадочным, а вдоль всей реки Туренки пролегла в одно мгновение серебряная дорога по волнам, по коей, как Евлампий знал точно, черти иногда с неба на землю спускаются за добычей. В ту минуту старший промеж душегубов осмотрелся по сторонам и факел в землю воткнул, перстом на то место указав. Поставили молодцы свою ношу на землю и стали своими саблями землю рыхлить да в стороны отбрасывать. И продолжали они свою работу тайную почти до самого рассвета.

Евлампий все то время в кустах придорожных просидел ни жив ни мертв, а от мыслей про золото у него перед глазами видения начались всякие. То чаши золотые, да кубки с изумрудами перед ним в воздухе возникали и кружились над головой в сатанинском танце обгоняя друг друга. То сабли богатые с топорами, опять же камнями драгоценными величины немеряной обсыпанные, начинали битву меж собой, словно черти передрались из-за добычи. Виделись Евлампию наряды царские, шубы соболиные, да из горностая деланные, портки золотыми нитками тканые, да сапоги красные. И все это вертелось, крутилось, стучало и гремело так, что он уж боялся, будто грохот сей мысленный услышан будет душегубами и его убежище раскрыто, а там – саблю в бок и поминай как звали!

Меж тем моолдцы-разбойнички свою работу закончили и сундук огромный под землю опустили. Видать, там вся казна душегубская была за многие годы собранная, еле сдержали сундук молодцы покудова опускали. Потом землю всю обратно покидали да дерном засыпали. А старший их какое-то действо сотворил над захороном. Да видать без чертовщины тут не обошлось, ибо сундук аж из под земли насыпанной стал свет красный испускать, будто уголья раскаленные под землей лежат. Евлампию аж дурно стало, что-ж там такое разбойнички захоронили тайное, что светится могло сквозь землю? Ясно ему одно стало – клад там точно, ибо, что еще в ночь на Ивана Купала сквозь землю светится будет, ежели не клад?

Закончили разбойнички работу, стоят поя пяти человек с каждой стороны от захорона и вдруг видит Евлампий странное дело: пятеро, что слева стояли, вдруг как выхватят свои сабли острые, да как налетят на остальных и вмиг изрубили их на куски окровавленные. Атаман душегубов в стороне стоял, аж в усы себе недобро усмехнулся, видать, так и задумано было. Как стекла кровь с сабель разбойничьих, приказал им атаман, чтоб в лодью шли. Да только не успели они дойти до берега, как двое сызнова сабли повытаскивали и зарубили троих своих дружек, так, что двое их осталось всего, да атаман, что позади всех шел. Переступили они через трупы кровавые и подошли к берегу, уже в самую лодью стали забираться, за бот ее высокий руками схватились. Тут вдруг, глядит Евлампий, сам атаман из сапог своих красных два ножичка острых как выхватил, да и всадил дружкам своим в спины широкие, аккуратно под ребра каждому. Так и упали они в воду прибрежную мертвее мертвых, залив вокруг кровью своей все. А атаман, хитрый как старый лис, не полез в лодью. Он вдруг повернулся, пошел вдоль берега и пропал скоро из виду за кустами прибрежными. А Евлампий, ни жив ни мертв сидит от увиденного злодейства, шелохнуться боится – а вдруг атаман злой его увидал, а ли почуял? И вдруг слышит свист разбойничий в ста саженьях от себя и видит, что с реки к берегу тихо другая лодья подошла, факелов на ней не видать, да и сама словно чудится тенью призрачной душегубской на реке ночной. Подошла лодья к берегу, прыгнул атаман в нее и был таков.

Вылез тут Евлампий из своего убежища и дрожа от ужаса к месту заветному кинулся. Глядь, а кругом уже одни скелеты истлевшие валяются, словно и не разбойнички то были, а бесовские отродья. Подошел он к земле светящейся, упал на колени, да такая его жадность обуяла, что стал руками своими землю разгребать. Гребет, а земля все горячее становится, уже и рукам жарко. Так дорылся он аж до самого сундука, откинул крышку в радости дикой, а от туда как выскочит девица страшная с волосами грязными в одеянии белом и косою в руках костлявых, да как саданет этой косою Евлампию по шее, так и голова с плеч покатила, да к самой речке Туренке, где лодья разбойничья стоять осталась, и укатилась. Упал Евлампий рядом с сундуком, да кровью своей все окрест и залил. Так и не дошел он к сродственникам на именины, помер от жадности по дороге.

– Да, – сказал дядька Федул, дослушав сию историю Прохора до конца, – клады они многим кажутся, да не всем даются. Энтот видать заговоренный был на много человек.

– Это как так? – спросил Прохор.

– Да так. Значит это, что найти такой клад мало, надо еще знать которому он в руки уготован. Может пятеро помрут, духом смертным убиенные, а шестой его возьмет голыми руками, ибо заклятье так сотворено. А может и все пятнадцать помрут, кто его знает.

– Да кто-ж знает, как не атаман?

– Он-то знает, да только не скажет.

Призадумался Прохор, а потом говорит:

– Слушай Федул, а может только на одного энтот клад заговоренный? Ежели аккуратно, может и повезет?

– Может и повезет, кто его знает. Тут как судьба-лихоманка прикажет. А чем про клады задумывать, давай-ка лучше брат с тобой медовухи хозяйской отпробуем. Больно она здесь хороша. А там и поспать не грех, светает уже.

С этими словами Федул налил две чарки. Выпили они с Прохором на пару, крякнули, да усы вытерли рукавом. А после чего спать отправились. Только Прохор перед сном на крыльцо резное вышел и постоял чуток, глядя в верх по течению Туренки, не засветятся ли клады какие, их говорят далеко видать.

Глава 3. Поезд свадебный

Женился купец богатый Афоня. И было ему тридцать три года. До сих пор жил Афоня бобылем, ибо имел нрав крутой и никто из девок, что ровней ему приходились в славном городе Киневе, по доброй воле идти за него не желал. А коих звал он недолго любушкой – бил Афоня нещадно. Рука у него, к слову, была тяжелехонька. Изувечил он дочь купеческую Матрену Аграфеевну, до той поры первой красавицей считавшуюся во всем стольном граде Киневе, синяков ей наставил под глаза красивые, да ребро сломал, ударив поленом. Алефтине же Ивановне, ключнице княжеской, едва ухо не откусил. А все потому, что больше жизни своей любил купец Афоня бражничать с друзьями своими и не знал в этом занятии ни меры, ни конца, ни краю. Делами то его, кои в торговле мехами заключались, уже давно ведал дворовый человек Еремей, а Афоня только тратил добытое. Сам же никогда почти к торговле интереса не знал, утопив его в браге, лившейся ему в рот ведрами. Никто в Киневе не мог перепить сего буйна-молодца. Да и не только перепить. Силен был Афоня от природы, как медведь. Правду говорят, что у дураков ум весь в силу ушел. И побить его тоже не мог никто. Он хоть и купец был, непростого роду, а имел в тайных недругах немало людей всех сословий, мечтавших набить его широкую красную рожу, от коей всенепременно несло перегаром. Но мало кто отваживался. Один купец Охрим, торговавший бусами да камнями всякими, однажды оскорбившись поведением Афони, который стал зубоскалить о его жене принародно, попытался образумить буюна, да только вышло наоборот. Пьяный Афоня так отметелил своего собрата-купца по всем местам, и на прощанье приглубил дубиной по голове, что Охрим потом целый месяц находился на последней дороге между жизнью и смертью. А жена его красавица Ольга плакала у изголовья.

Меха Афоня поставлял самому князю местному Вельямиру, который был ими очень доволен, а потому купец-бражник всегда сухим из воды выходил, что бы ни вытворял он над обитателями Кинева. Даже дружинники князя, сильные молодцы, все как на подбор – кровь с молоком, с ним дружбу старались завести. Потому как сильные они были, но душонки у них были жадные да жалкие. Как народ обирать – тут дружина по первому зову собирается, князь только перстами щелкнет. А как идти воевать кого из своенравных соседей, волю князя не желавших признавать, так тут и неделю дружину не собрать. Сразу мзду за службу просят. Сам Вельямир слыл сластолюбцем первейшим – изо всех селений, кои воевал, брал в полон девок красивых и услаждался ими еженощно. Подобно ханам аварским имел он в своем гареме две сотни девок. Окрестные народы, узнав о появлении киневской дружины поблизости, прятали в лесах своих девок, да жен. Знали они, если сведает Вельямир о том, что среди местных жителей есть жены красивые – мимо князь не проедет. И тогда горевать мужьям, да отцам. Вельямир же, не находя в селении утехи – казнил всех. И росла ненависть лютая в сердцах. В последний свой поход за данью и девками проходил отряд ратников княжеских через деревню Подолье, что на берегу речушки лесной Ракитинки раскинулась. Вели хозяйство трудное здесь достойно – лес корчевали, да сеяли, что могли. Земля платила скупно за труд, но все же давала всходы, коих было достаточно на прокормление. Жили здесь только пять семей, и была среди женщин местных красавица Акулина, жена старшины местного Василия Ухвата. Приглянулась Акулина князю, собрал он дань с деревни, да велел своим дружинникам присовокупить к ней и жену старшины для потехи будущей. Схватили Акулину ратники, как ни кричала, ни царапалась, спеленали, да на повозку с данью собранной бросили.

Взмолился тут Василий. Закричал.

– Ты пошто срамишь меня, княже?! Мы тебе платим дань исправно, так зачем ты отнимаешь жену мою, Акулину? Ужели тебе своих невольниц мало?

Рассмеялся диким смехом Вельямир.

– Не моли старшина напрасно. Жена твоя теперь мне утехой послужит. Больно хороша она для такого босяка, как ты. А я ее обогрею как следует. Она довольна будет.

Не выдержал Василий. Бросился в избу, да выбежал оттуда с топором. Ратники, увидав сие, выхватили мечи вострые и на мужика бросились. Но, не тут-то было. Двоих зарубил обезумивший Василий, хотя они и в кольчугах крепких были. Говорят – обида силы для борьбы дает слабым, а силу сильных удесятеряет. На князя бросился, ударил его топором в грудь, да только не убил. Князь на коне сидел, весь в броню закован был. Скользнул топор по зеркалу, да отсек Вельямиру десницу. Упала она коню в ноги. Залил кровью князь седло дорогое. Наскочили сзади ратники, зарубили старшину несчастного мечами. Голову отсеки и собакам бросили. Руку князеву, от коей десницу отрубили, перевязали накрепко. Да сильно осерчал он тогда, едва смерти избегнув. Велел всех свободных хлебопашцев в неволю отдать, а деревню спалить. И запылал костер великий на берегу речушки Ракитинки. А князю после того случая в народе прозвище дали – Беспалый.

Вернулся Вельямир к себе в терем княжеский после захода солнца ясного в тот же день. Первым делом личный знахарь его раны попользовал, смазал зельями неизвестными, крови бег быстрый останавливающими. Затем, сверху полил он культяпку, от руки оставшуюся, травным отваром из сотен трав состоявшим – для заживления быстрого. Опося чего помолился своему идолу Гвалу, ибо Бога истинного еще не ведал, о здоровье князя Вельямира. Сжег пучок соломы, трижды плюнул на восток и посыпал себе голову листьями ежевики. Сотворив сие действие, знахарь по прозвищу Харитон Акейский, удалился восвояси, в избушку на окраине Кинева, ибо жизнь свою и дела хранил в строгой тайне ото всех людей. Вельямир на его действия смотрел как и на все остальное: ежли есть польза – пусть живет. Казнить его всегда можно. А пользу знахарь приносил. Вылечил он не одного дружинника княжеского от трясовицы, колючки, от свербежа, от огневицы, да от черной немочи. Иногда и князю пригождался, да вот теперь нужда в нем вышла большая. А то и помереть мог Вельямир от раны сей.

Помимо Харитона в Киневе обреталось еще несколько знахарей: Галыбан, Ведун да Негежа. Но колдовство их Вельямира не устраивало. Ибо не всегда оно верно было. Называть-то себя знахарями умными они называли, да мзду за это брали непомерную, но вот люди у них мерли как мухи, али начинали хворать новыми недугами, доселе их не тревожившими. За год минувший перемерло у Галыбана от колючки, да от огненной немощи добрых две дюжины народу, среди коих даже два купца было. Сродственники купцов поначалу хотели было сего знахаря на кол посадить посреди Кинева, да только после Галыбан убедил их, что мол это идолы преждевременно взяли к себе человека в отряд небесный за заслуги особые и хорошо ему сейчас там, даже лучше, чем по земле ходить. Посомневались сродственники, поспорили, да решили с колом повременить, ибо Галыбан обещал, что скоро будет им знак от почившего, из коего станет ясно, что тот доволен и на Галыбана за колдовство не обижается.

– Если идолы хотят взять кого к себе, Галыбан не может помешать. – говорил знахарь. И ему верили, и снова шли за советом и отварами из поганок. Но Вельямира пользовал только Харитон, с Галыбаном и остальными дружбы не водивший.

Как закончил Харитон свои действия, приказал князь привести к себе жену старшины его изувечившего красавицу Акулину. Приволокли ее ратники, к ногам князя бросили связанную, ибо сама она идти отказалась. Рядом встали, факелы смолистые подняв. Осмотрел ее Вельямир взглядом похотливым, но потом отвернулся брезгливо: вся в грязи была измазана девица, платье ее истрепалось в дороге и от дождя намокло. Волосы спутались в комки. В свете мерцающем смотрела она в лицо Вельямиру с ненавистью, словно затравленная волчица.

– Что-ж идти ко мне отказалась по доброй воле, красна девица? – спросил князь киневский, – я хоть и страшен во гневе, но отходчив. И для всякого слово свое найду. Встань!

Но Акулина осталась лежать на полу земляном, зубы сжав.

– Встань, змея! – крикнул Вельямир, ткнув ее носком своего красного сапога в бок, так, что сжалась Акулина, – Муж твой, десницы меня лишил. Но я в том тебя не виню. За такую красоту и жизни не жалко. И все же – враг он мне даже после смерти, а я отмщения жажду.

Прошелся Вельямир по светлице широкой, злобно в бороду усмехаясь.

– Думал я тебя к себе в невольницы определить, чтобы телом твоим усладиться без меры, да только передумал. Хотел тебе в отместку за мужа ноздри вырвать, да залить в рот железа текучего, али к четырем скакунам привязать, чтоб скакали они в разные стороны до тех пор, пока не разорвут на части твое тело белое. Еще мыслил завести тебя нагой в лес да оставить не съеденье диким зверям, медведям голодным, да волкам, али в муравейник бросить. Но не нашла во всех помыслах сиих душа моя долгого удовольствия от содеянного. Как ни кинь – везде тебе помирать надо скоро, да только вместе с тобой твоя жизнь и ненависть помрет, а моя еще может останется. И культяпка эта мне до конца дней моих памятна будет.

Вельямир остановился, посмотрел в синие глаза Акулины, что светились злобой открытую, протянул ей культяпку пред светлы очи и молвил:

– А потому измыслил я следующее дело: я отдам тебя, девка, за муж.

И увидел Вельямир в глазах Акулины страх.

– Не бойсь, не за ведмедя дикого отдаю. За мужа видного, богатого. Роду знатного.

– Был у меня муж, а коли ты убил его, собака, так другого мне не надобно! – крикнула Акулина, доселе молчавшая гордо. Волосы ее мокрые черные по плечам разметались. Подивился Вельямир ее красоте сызнова, но решение уже принял.

– Быть тебе, девка гордая, женою купца Афоню.

Содрогнулась красавица Акулина при словах сиих княжеских. Купца Афоню, меха Вельямиру поставлявшего, знали далеко за пределами Киневскими. И нрав его буйный был хорошо известен даже в деревнях окрестных мужикам и бабам лесным. Оттого и содрогнулась Акулина, словно гадюка мерзкая ее ужалила, и затряслась всем телом от ужаса обьяввшего. Отдавал князь Вельямир ее в жены лютому извергу жизнь с которым была хуже смерти.

А князь киневский только ощерился довольню – видит как проняло Акулину сие известие радостное. Велел Вельямир выволочь жену старшины на крыльцо красное терема, откуда волю свою люду вольному и подневольному обьявлял по обыкновению. И велел народ весь согнать к крыльцу сему немедля. Подхватили ратники Акулину под белы рученьки и поволокли куда князь велел. Двое стеречь ее остались, а остальные по Киневу разошлись, факелами трескучими махая, да орать начали во всю глотку, народ созывая на скоп великий. Не прошло и времени малого, а вокруг крыльца резного, входом главным в палаты царские служившего, волновалось море голов людских. Как говаривали: народу сошлось – тьма. Яблоку наливному негде упасть было. И гомонили люди на лады разные толкуя о чем князь говорить будет, ибо никогда ранее Вельямир не созывал народ посреди ночи темной. Одни кричали, что вольную князь решил дать своим холопам, поскольку явилось ему во сне от Перуна известие, что, мол, надо свободу дать. Другие баяли, что ворог на них идет воевать тьмой тьмушей, не то половцы, не то полчища ханов аварских, и князь велит ополчение собирать из народу. Третьи вспоминали о Вячеславе, князе великом солнцеградском, коему надлежало подчиняться всем остальным князьям удельным, и коему Вельямир не подчинялся. Жил Вельямир в лесах отдаленных. По своей воле творил, что хотел, разоряя селения окрестные, многие из которых, особливо дальние от Кинева, под солнцеградские владения подпадали. И давно уже обитатели Кинева лесного ожидали Вячеслава с дружиною в гости. Ожидали по-разному. Кто с ненавистью, а кто и с тайной радостью в сердце, надеясь на избавление от изверга. Но и те, и другие сходились на том, что Вячеслав – князь непонятный, неправильный. Ибо по собственной воле отдался он вере в одного Бога. Ну разве может на этакой земле, где лесов и рек несчетно, горы имеются во множестве, люду разноплеменного обитает тьма, один Бог со всем справиться? Киневляне веровали в идолов, коих насчитывалось не менее дюжины. Кто землею правил, кто лесами, кто

болотами бескрайними, а кто из идолов на небе высоком обосновался. И каждый жаждал дань с людей получать. На урожай, на погоду сносную, на обережение от лихоманки, на рождение чад во множестве. Князь Вельямир был между людом и идолами звеном связующим, и дань сию передавал. Только идолы не все принимали – задобрить их было не просто. А все, что идолы отвергали, Вельямир у себя оставлял. Народ киневский на глаза зоркий, хотя и в лесах обретается, замечать стал, что в этом году ни урожая, ни детишек можно было и не ждать – идолы почитай все князю оставили, ничего принимать не захотели. Запечалились люди. И вот вдруг князь позвал их посреди ночи к себе на двор. Не иначе – приняли идолы жертвы обильные и Вельямир решил народ известить о деле сием радостном. Да только не о том заговорил князь, на крыльце появившись.

Была на нем одежда красная, золотом расшитая. Блестело золото в свете факелов. Дрожал пламень, и за князем тени колыхались чудные. Вышел Вельямир вперед на крыльцо, поднял вверх десницу целую, и, растворив рот, молвил.

– Слухай меня народ мой лесной. Собрал я вас на скоп великий для того, чтоб волю свою явить. Решил я завтра свадьбу сыграть великую, вам на забаву.

Зашевелился народ, загомонил: «Чем еще решил князь потешиться? Али мало ему своих девок-невольниц, али взаправду решил остепениться?». Да только обманулся народ.

– Не я невесту беру, не гомоните. Выдаю я бездомную девку Акулину за муж за купца добра молодца Афоню, что меха мне в терем доставляет. А вас всех ввечеру на пир великий зову. Гулять будем!

Замерло людское море. Стих гомон шумливый. Приумолкли балагуры. Знали все кто таков этот Афоня, и, хотя не многие ведали про Акулину, кто она и откуда, да только девицу жалко было, ибо не бывать ей довольной судьбиной своей. По доброй воле никто за этого ирода не шел. Так значит, ежели Вельямир приневолил, и никак ей от жениха дикого не отвязаться, то в пору самой в петлю лезь. Никто с купцом Афоней долгого житья не вытерпит. А не наложит девка руки на себя, так Афоня жизни лишит. Али изувечит непоправимо, красоты лишив. И раздался в тишине народа молчавшего плачь громкий. То рыдала Акулина о своей судьбе.

Подхватили ратники девицу по княжескому знаку, уволокли в терем. Велел Вельямир народу расходиться по избам и землянкам, как вдруг показалось всем, что хохот раздался с небес темных, кои были облаками низкими затянуты. Три раза смеялись идолы ужас вселяя в души, а потом перестали. Народ на землю повалился в страхе великом, и подыматься стал только тогда, когда ратники княжеские пинками да копьями разгонять его стали. Сам Вельямир на небо глянул и скрылся в тереме своем, словно и не услышал ничего.

Укрывшись за дверьми дубовыми, направился князь киневский напрямком в потайную горенку, коея аккурат в самом дальнем конце терема помещалася, возле чулана. Шел он один, ибо никто акромья него самого об этой горенке и не ведал – ни дружине боевая, ни советчики приближенный, ни колдуны княжеские. Хранил он ото всех тайну свою великую.

Прошел Вельямир сквозь четыре горницы и спальню. Ратников, что покой княжеский берегли, у дверей стоять оставил. Спустился по резной дубовой лесенке в подпол. Прошел ходом потайным сквозь землю, потом снова поднялся, и вылез около чулана. Снял Вельямир там с груди своей широкой цепочку, на коей ключ махонький позлаченный обретался, да тот ключ в замочную скважину и вставил. Повернул три раза. Скрипнула дверь кленовая, отворилась. Шагнул Вельямир внутрь, да дверь за собой прикрыл плотно. И пахнуло на него сей же час могильным холодом из темноты, словно посреди кладбища в ночь глухую оказался. Глаза чьи-то желтые засветились во тьме мертвенным светом. Колыханье воздуха возникло. Хотел было князь свечу зажечь, да не смог. Вместо этого молвил в темноту, едва рот растворив:

– Что тебе надобно, Мориона? Али все не по твоему во владениях моих происходит? Зачем пожаловала?

Приблизилась ведьма, Вельямир даже хруст ее костей столетних услышал. Шарканье босых ног. Глаза желтые совсем рядом полыхают, заволаживая.

– Настает час, князь. С добрыми вестями я пришла.

Прошамкала ведьма сии слова беззубым ртом и умолкла. Но и Вельямир молчал, слушал.

– Скоро. Очень скоро леса сии возрадуются приходу царя истинного. Уже идет он, уже слышна его поступь. Скоро хлынут на поля ваши его черные воины и польется рекой кровь врагов твоих. Радуйся князь!

Еще ближе подобралась ведьма, к самому уху прильнула губами дряблыми, обвисшими. Вельямир ее дыханье зловонное чует – плесенью и поганками несет от Морионы.

– Вячеслав будет тебя в ополчение звать в Солнцеград – не ходи. Там отшельники обреченные. Смерть найдет их всех. А тебе, как придут сюда воины царя черного из земель далеких, быть местным владыкой. Коли поможешь, как ранее, все в свою власть получишь. Владей всей землей славянской, рабами полной. Твори, что возжелаешь!

Тут уж Вельямир глазами загорелся. Видел он себя уже Руси обширным владетелем, жившим в тереме Солнцеградском. А Князь великий Вячеслав у стола его с яствами прислуживал, сапоги его грязные языком вылизывал, за объедки с псами да нищими дрался. Вельямир же пинал его когда вздумается то в бок, то в шею, а то в глаз сапогом своим красным, приговаривая «Я Теперь Руси хозяин, я владетель». Богатыри Вячеславовы все в колодках сидят в темнице глубокой Солнцеградской, цепями прикованные. Дожидаются забавы любимой Вельямира – медвежьей охоты. Это когда медведя голодного в темницу запускают, а людям оружия не дают. Очень уж любил Вельямир эту забаву. Закрыв глаза князь, заволновался. Всем телом задрожал.

– Передай царю, черных земель хозяину, будет ему помощь от меня, ежели не врешь ты, старая.

Сверкнули глаза желтые ведьминские.

– Не забывайся, человечина! А то враз пнем придорожным станешь.

– Ты не страшай меня, ведьма. – оборвал ее Вельямир, – а что молвил – передай, я слово сдержу. Ненавижу я Вячеслава пуще всех. Сам хочу быть князем Великим.

Ничего не ответила ведьма, только вспыхнул костер ярчайший посреди горенки, да потух сразу. Будто уголья на полу остались тлеть.

– Жди. – раздалось.

А спустя мгновение услышал Вячеслав над теремом своим смех гулкий, раскатистый, сосны да ели закачавший. Только стихло все быстро потом.

На следующий день велел князь разыграть действие свадебное. Афоня сватов своих заслал к нему прямо в терем, ибо не было у Акулины ни отца ни матери в Киневе чтобы выдать ее замуж – Вельямир заменил их своевольно. Настоящие же родители Акулины в огне жарком сгорели, что велел князь в деревне разжечь, гневаясь. Приехали сваты к обеду на телеге широкой резной тройкой лошадей запряженной. Были то холопы Афонины – Стенька и Егорша. Оба с утра лыка не вязали и на ногах еле стоять могли, покачиваясь. Привезли они князю дары богатые: телега до самого верху мехами ценными была уложена. Песен, которые полагается, не пели, поскольку языки у них заплетались. Народ, собравшийся по такому случаю вокруг терема, погомонил слегка. Не хорошо это получается, когда песни петь надобно жалостливые и величальные, а Стенька да Егорша только икают стоят. Не хорошо и то, что холопы за женой будущей приехали, а не дружки Афонины, хотя дружек у него отродясь не водилось. По всему видать унижение девице выходило полное. Опечалился народ сызнова. Не видать девке света белого с таким извергом.

Тут Акулину на крыльцо вывели. Разодета она была в наряды красные, бусами да украшениями увешана, но только на лице ее застыла печаль великая. Двое ратников невесту крепко под руки держали, видать вырывалась она от них не раз, словно кобылица своенрав-

ная. Посмотрел на нее Вельямир, усмехнулся, на культяпку свою взглянул и молвил Егорше со Стенькой:

– Забирайте сваты добрые сию девицу Акулину. Отдаю ее принародно в жены купцу Афанасию на жизнь долгую. Живите счастливо. В любви и согласии.

При словах сих рванулась Акулина сильно, но ратники ее удержали.

– Забирайте девицу! – приказал Вельямир, голос повывисив.

Подошли шатаясь Егорша со Стенькой. Хотели было Акулину взять под белы ручки да посадить в телегу с бубенцами, только вырвалась она, да как съездит Егорше по широкой морде кулаком – Егорша аж удивился. Только Афоня ему строго-настрого приказал, чтобы невеста ни делала – привезти ее в любом виде в дом его, а там уж он с ней разберется, как полагается. Потому Афоня ухватил невестушку за руку да стал пихать ее в телегу широкую. Закричала Акулина, заголосила. Загомонил народ собравшийся. Что же это за свадьба получается? Всякого конечно видали, но уж больно девку жалко. Меж тем Стенька с Егоршей запихали Акулину мятущуюся в телегу, стеганули лошадей кнутом, да поехали в дом к Афоне.

Оставив позади народ волновавшийся выбрались они к окраине самой, где застава Верхоглядская располагалась. Акулина бесновалась по-прежнему. Но Стенька, сидевший рядом, держал ее крепко.

– Погоди, погоди! – приговаривал он, – вот приедем до дому, уж Афанасий Геронтич тебе покажет жисть сладкую. Правда, Егорша?

– А-то! – усмехался Егорша погоняя и без того резвых коней.

Скоро показался дом купца Афанасия – высоченная изба к коей были пристроены обширные, подстать избе, резные сени и амбар. Около избы сидело верхом на конях добрая дюжина всадников, по оружию дорогому и упряжи, то были княжеские ратники, коих купец Афанасий позвал на свадьбу поддержать честную кампанию, не забыв подарить каждому по шкуре соболя. На высоком крыльце стоял в раззолоченном кафтане и сапогах сам Афанасий, уткнув ручищи с необъятными кулаками себе в боки.

Поравнявшись с избой Егорша осадил коней и молвил с поклоном:

– Вот, хозяин, привезли тебе невестушку как было велено.

Посмотрел Афанасий на то как вырывается Акулина из рук холопских и довольно осклабился.

– А девка-то с норовом, будет кого уму-разуму поленом поучить.

Сидевшие на лошадях ратники заржали не хуже конского табуна, услышав купеческую шутку.

– Ну да ладно, – сказал Афанасий, – Словом перемолвиться мы еще успеем. А сейчас, гости дорогие, пока не стемнело, поспешать надо в церквушку, что на лесной поляне под Киневом князь выстроил. Там и обвенчаемся, вдаль от глаз людских, коих я терпеть не могу. А потом возвратимся к Вельямиру на двор княжеский да отпразднуем сие событие всем скопом. Ох и люблю-ж я покуражиться.

Со словами сими Афанасий запрыгнул в телегу резную рядом с невестой и хлопнул по спине своего холопа.

– А ну, Егорша, вжарь по вороним что есть мочи! Гулять едем!

Холоп стеганул лошадей и они рванули с места. За телегой ратники пристроились. Свадебный поезд тронулся в путь. Афанасий наклоняясь к Акулине, извивавшейся в руках Стеньки и, дыхнув ей в ухо перегаром, молвил:

– Что ты бесишься так, любушка ненаглядная? Али я не мил тебе, не красив, не знатен? Может я лицом не вышел?

И прильнул к щеке ее, покрасневшей от борьбы, своими губами слюнявыми. Рванулась Акулина, от оскорбления великого силы у нее прибавилось, руку одну ослобонила, да как даст Афанасию в левый глаз, тот аж взвыл от боли.

– Ах ты стерва проклятая, – заорал купец, – Ну я тебе покажу как со мной разговаривать надо.

Схватил ее за обе руки, заломил их назад, так что косточки хрустнули, и связал веревкой, что в телеге валялась, Опосля чего столкнул тело Акулины себе под ноги. И залилась девица горячими слезами.

– Полежи вот так, охолони, покуда дурь из тебя не выйдет, невестушка.

Долго ли, коротко ли, ехали они по лесной дороге неизвестно, а только стало по-немногу смеркаться. Давно уже пора было показаться церквушке лесной, что на поляне одинокой таилась от глаз людских, а ее все не было. Деревья потянулись вдоль дороги высокие, да замшелые. Кое-где они вставали над Афанасием со товарищи лесными арками. Ехали они ехали, да кони вдруг спотыкаться стали, а ратники усталость почувяли. Меж тем, дороге конца-краю не видно. Да и стемнело почти совсем. Первые махонькие звездочки на небосводе показались. Выпил купец браги с ратниками и уже хотел было держать совет не сбились ли они с дороги, как вдруг услышали они впереди себя конский топот. Кто-то скакал им навстречу. Решил Афанасий, что это Вельямир-князь послал за ними провожатого, да ошибился.

Меж тем топот все приближался и, наконец, показались из-за поворота дороги четверо рыцарей. Подъехали они поближе и остановились в десяти шагах. Как увидел их Афанасий – дара речи лишился. Не рыцари то были, а чудища невиданные. На всех были надеты брони черные, казавшиеся чернее ночи даже в наступивших сумерках. На плечах, локтях и коленях торчали из них во все стороны шипы острые, что одним ударом могли пробить доспех вражеский. Попоны конские до земли стлались. Щиты массивные с изображениями коваными, не то драконов, не то змей, в левой руке у каждого всадника имелись, а в правой держал воин каждый свое копьё, особенное. Один – длинное узкое древко, что острым лезвием оканчивалось, с клинком сходным. Второй оружием имел трезубец вида ужасного, опосля которого в теле рваные раны оставались. Третий держал копьё с наконечником в виде острого серебряного полумесяца, а копьё четвертого рыцаря венчало массивное трехгранное острие. Шеломы у всех на головах были диковинные, таких в русской земле не делают, – в виде птиц и зверей ужасных с рогами и клыками острыми. Афоня таких никогда не видывал.

Вдруг один из всадников поднял забрало, и ратники княжеские, при виде сих чудищ страхом к земле пригвожденные, увидели два желтых, засветившиеся в темноте глаза. Другой черный рыцарь снял шелом, и увидели все, что нет у него человеческой головы, а вместо нее из доспехов торчит голова сокола. Засветились на той голове глаза, как у первого рыцаря, жутким светом желтым. И попадали тогда ратники княжеские с коней своих и стали ползать меж ног у них. Осветилась в тот час одинокая лесная дорога серебристым светом – то вышла из облаков луна. И обратились ратники в волков лесных, с диким воем разбежались по окрестностям. Афанасий купец обернулся тот час медведем-шатуном, злым и голодным вечно. Прыгнул он из телеги в лес и пропал. Холопы его – Егорша со Стенькой – хорьками стали. Акулина несчастная обратилась в горлицу. В небо высокое кинулась. Проводил ее желтым глазом воин с головою сокола и снова надел шлем диковинный. Пришпорив лошадей своих, четверо черных рыцарей, невесть откуда появившихся в земле русской, двинулись дальше по дороге лесной.

Глава 4. Князь Вячеслав

То не солнце младое на небо вошло высоко, то Вячеслав, князь Солнцеградский, владетель Руси великой, на балкон широкий терема резного вышел. Терем княжеский, как водится, прямо посреди городища, на холме возвышался. Оттуда далеко видать мог князь: где что в землях его вытворится, где живут люди согласно порядку, а куды и дружину послать нужно, уму-разуму поучить особо непослушных. Высоко терем стоял княжеский, и, ежели приглядеться, посильнее, то и царства заморские становились видны как на ладони. Особливо эти страны и любил Вячеслав по утрам, апосля трапезы легкой, рассматривать. Сядет бывало на балконе, кинет взгляд за горы высокие, моря широкие, так и сидит цельный день, забавляется. А чего еще царям по утрам делать? Прямо скажем – нечего, ежели в отечестве уже благодать есть. А она, как раз, в то время и наблюдалась по всей округе.

Авары, после смерти хана своего, границ южных боле не беспокоили; Андрофаги и Меланхлены, на севере далеком ловили рыбу и ни о чем зловредном не помышляли. Кириаландия, страна вольная и независимая, что простирается от моря Варяжского аж до самого моря Белого, хоть и имела население воинственное, которое славилось боле набегамии своими да волшебством, чем хлебопашеством, ныне вела себя тихо и русичей не беспокоила. Биармия, соседняя с нею, по характеру народа своего была страна схожая. Тянулась она от Двины Северной и моря Белого до реки Печоры, за коею лежала страна неизведанная и страшная, где жители варяжские полагали отчизну ужасов природы и чародейства злого – Йотунгейм.

Место то поганое, неведомо было никому, лишь старики поговаривали, что водятся там не только лешаки да ведьмы, чего и на Руси полным-полно было, а нечисть ужасная и огромная, что летать и огонь изрыгать умела. Живут-де там змеи многоглавые, медведи шестипалые, волки с глазами красными, что лишь людьми питаются, рыбы зубастые и хвостатые, которые по земле ходить могут и летать, да много другой нечисти, что и описать нельзя. Вся трава там сонная, ягоды – ядом полные, где на землю ни ступишь – в колодец с гадами провалишься, время – заколдовано, в лес зайдешь – не воротишься. Слава Богу, что на Руси та нечисть не является. Лишь виден иногда дым черный, что от горы великой подымается, затерянной средь лесов тамошних. Ходят слухи, живет там в глубокой пещере хозяин мест поганых и всей окрестной нечисти, злой волшебник, великан Оршан. А дым идет, когда варит он на костре огромном варево из трав ядовитых, и измышляет новую погубель для людей, что во всех странах окрестных обитают, ибо люто их ненавидит. Вкруг горы, охраняя покой, стоят шесть истуканов каменных, насылая на всех, кто отважился в пещеру проникнуть сон смертный. Так что, ни человек, ни птица, на тыщу верст приблизиться к той пещере не могут.

Долго смотрел Вячеслав в сторону Йотунгейма, но взгляд его не мог проникнуть далее мутно-серного неба на востоке. Дыма, однако, он не увидел и успокоился. Хотя бы оттуда грозы ждаться пока не приходилось, Оршан видно спал. А может и не было вовсе никакого великана, врут все старики, – подумал Вячеслав и оборотил свой взгляд в края южные. Глядя в дали знойные, вспомнилось ему как в прошлом году ходил он с дружиною верною своею аваров злых воевать. Много с той поры воды утекло, да только не забыть князю тот поход. В ту пору авары в силе находились и беспокоили набегамии своими южные границы русичей. Города защищенные брали приступом, а уж починки и займища славянские в пепел обращали не думая. Жен, девок и детей малых в полон уводили, рабами делали. А верховодил над ними князь аварский Аргуч.

Вячеславу доносили лазутчики, мол злющий и хитрый черт, сам людей пытается и кожу своими руками с них сдирает, да велит себе из нее седла шить. Сказывали, у него таких седел уже почитай дюжина набралась. Не стерпел Вячеслав наглости такой от народов кочевых южных, да велел дружине в поход собираться. Кинул клич и собралось войско сильное, не малое. Попрошался князь Вячеслав со своей женой Настасьей Фаддеевной, патриарха Викен-

тия дочери любимой. Поцеловал в лоб дочь Ксению, коей минул уже осмнадцатый годок. Сел на коня черногривого и в путь далекий пустился с дружиною верною.

Долго шли они в земли аварские, сквозь холмы и леса буйные, сквозь степи широкие, бескрайние, через реки бурливые, полноводные. Пять тысяч конников было у князя и двадцать тысяч пеших воинов, добрую треть из которых составляли топорники – то бишь ратники с топорами острыми, что метать их могли метко из дая во врага прямо. Много дней шла эта сила до земель аварских, а как дошла, то сразу в битву вступила. Ибо ждали их уже авары в степи широкой на границе земель полуночных, через своих лазутчиков сведавшие о приближении князя солнцеградского с дружиною. Разбил князь войско аваров, разметал в клочья насильников степных. В той битве особенно топорники отличились – многие ударом топора боевого валили аварского конника на землю, да так, что не подымался он более. А как унеслись прочь остатки аваров побитых от границ своих, вступил Вячеслав в их владения обширные и начал селения палить в отместку, посева редкие, да скот многочисленный уничтожать повсеместно. Девки и жен, правда, пощадил.

Так воевал он аваров целное лето, до тех пор пока не выжег полстраны аварской и не пошел по всей стране той мор великий от кончины скота начавшийся. Уже совсем было решил Вячеслав утихомириться, ибо отомстил он за все беды причиненные аварам, да те вдруг опять на него бросились, войско собрав за это время великое, втрое дружину князеву превосходившее. Окружили его стан авары у мелкой речки Дустули и бой навязали сильнейший. А русичам отступать некуда, до родины далеко, встали они вокруг своих повозок да бой приняли бесстрашно, как всегда русичам подобает. «Умрем, – сказал им князь перед битвой, – А с места этого не сойдем!» И в гущу аваров бросился. Схватился там с Аргучем, князем аварским, который сам битвою правил.

Жестоко они бились, искромсали друг другу латы кованные на куски, нагрудники твердые стальные погнули, поранили тела свои, кровью все облились, а все не отступаются. Каждый верх взять должен, показать воинам своим, что он сильнее. Ударил Аргуч князя русичей Вячеслава мечом изогнутым по плечу и чуть руку не отсек. Полилась из раны кровь багряная, оросив почву сухую густыми каплями. Обрадовался Аргуч, победу почувал, даже клич победный издал, сотнями аваров подхваченный. Да только тут изловчился Вячеслав, да как рубанет мечом своим тяжелым что есть мочи и снес Аргучу голову с плеч. Покатилась голова князя аварского с волосами длинными, черными как смоль, прямо на землю, под ноги коню своему, который ее и затоптал. А от страха, что наступил на голову повелителя своего, испугался конь и подорвался в степь. Словно молния проскакал он сквозь ряды воинов аварских, унося на себе тело князя обезглавленного. Обезумели от злобы и отчаяния авары и пуще прежнего на русичей набросились. А прежде всех на князя Вячеслава. Да только подскочили к нему вовремя верные конники, да за ряды воинов русских отвезли князя раненного, кровью истекающего, телами своими прикрывая.

Бились воины три дня и три ночи без отдыха. На место убитого лучника, новый лучник вставал. Конника, копьем умерщвленного, другой заменял, а вместо топорника бесстрашного, еще один витязь с топором острым появлялся. Уже горы трупов опоясали стан русичей, а битва все продолжалась. Не смогли авары понять почему русские до сих пор бьются, почему не сдались на милость победителям, коих по трое на каждого русича приходилось. И бежали они в страхе не третье утро, признав русичей чародеями бессмертными, оружие свое побросав на землю. А русичи, посчитав сколько их после боя в живых осталось, возблагодарили Господа в которого верили ныне, ибо по пальцам пересчитать можно было витязей, смерти избежавших. По счастью среди них и князь Вячеслав находился. Хоть изранен, был князь, но жив. Положили его на носилки их двух копий сделанные и понесли обратно на Русь. По дороге Вячеслав быстро поправляться стал, более всего из-за победы над аварями, и в скорости сам уже смог в седле сидеть.

Долго шли они, коротко ли, а как прошли полпути, так повстречался им посреди земель тургайских пустынных, что лежали между землями русичей и аварскими, лес красоты невиданной. Еще издали увидали его русичи. Стоит лес, деревья в нем высоченные, шириной в три обхвата. В ветвях птицы щебечут, в подлеске зеленом живность копошится, а меж деревьев ручей струится чистоты необычайной, родником подземным рожденный. Чудной то был лес, а может заколдованный, ибо рос он окруженный со всех сторон степями бескрайними. Не видали леса такого ратники доселе. Не место ему было в тех степях. Но, чудо, али нет, а отдохнуть под ветвями раскидистыми посереде солнца палящего было надобно. Ибо дорога домой дальняя, а ноги у пеших не казенные. Да и лошади притомились, следовало им воды дать напиться, да и самим испить. Ну, а пугаться всякой нечисти русичам не пристало.

Поразмыслил Вячеслав недолго, да послал троих ратников на разведку. Поскакали они в лес, все там обшарили, и вернулись с добрыми вестями, что нет там никаких ворогов и нечисти тоже не видать. Знать, отдыхать можно без страха. Велел тогда Вячеслав в том лесу на отдых дневной становится, да вокруг леса все же кордоны расставил для порядку – мало ли что случиться может. Все же не своя земля, непонятная. Встали русичи лагерем на берегу ручья в дубраве, Вячеславу на поляне шатер соорудили из накидок алых. Шеломы сняли, мечи булатные от пояса отстегнули, воды напились вдоволь. Дичи всякой, что шныряла в том лесу повсюду и было ее видимо-невидимо, настреляли и зажарили над костром. А под вечер, как солнце скрылось за краем земли степной, напал вдруг на всех сон сильнейший чудодейственный, и заснули ратники кто где стоял али сидел. Только князь великий Вячеслав не заснул. Лежал он в шатре походном и думал о жене своей, Настасье Фаддеевне и дочери любимой Ксении, как вдруг влетел к нему в шатер ворон черный, о землю ударился и обратился в старика седовласого. Облачен был старик в балахон цвета чернее ночи, до самых пят ему доходивший, в руке держал он посох деревянный с наконечником будто из головы вороньей, а лоб его был обручем тонким золотым охвачен и блестел в мятущемся пламени факела. Изумился Вячеслав сему явлению, но ни сказать ничего не успел, ни стражу позвать, как старец протянул к нему руку и сам молвил:

– Не бойся меня князь, не сделаю я тебе ничего худого. Не для этого явился к тебе из земель далеких.

Присел Вячеслав на постели походной и спрашивает:

– Кто ты есть такой, чародей заморский, и чего тебе от меня надобно?

– Звать меня Ставр, я – волшебник, – отвечал ему старец, – а явился я к тебе князь из земли такой далекой, что и знать тебе не надобно. Это я войско твое усыпил сном хмельным глубоким, но не бойся, все они живы и на утро очнуться. А поведать я тебе хотел вот о чем: далеко далеко за морем растет для тебя угроза великая, о которой скоро сведаешь. Не бывало для тебя времен трудней тех, что надвигаются, потому готов будь к испытанию, ибо вместе с грозой заморской придут в твой дом и радость и горе великое.

– Да какая же радость быть может от горя великого? – Вячеслав спросил в изумлении.

– О том сведаешь как настанет срок. И тогда должен ты будешь сделать выбор, князь.

– О чем говоришь чародей, что же ждет меня вскорости?

Вячеслав даже встал во весь рост свой княжеский. Но Ставр отступил на шаг, ударил по земле посохом и, сказав «Помни, о чем узнал!», обернулся обратно вороном. Взмахнул крыльями черными и прочь из шатра вылетел. А князь в тот же миг заснул сном крепким, как и все его войско.

На утро, как открыл глаза Вячеслав, показалось ему будто спал он вечность и так выпался, словно и не было усталости вовсе и сил в битве потерянных. Оглядел он себя и пуще прежнего изумился, – все раны его глубокие затянулись, и не болели вовсе. Кликнул он слуг верных, облачился в брони боевые, и велел всему войску в поход собираться. Ратники его смелые, в бою с аварами израненные, также чудесного исцеления не минули. Дивились

они и понять не могли что случилось с ними, видать лес и правда заколдованный был, только колдуном добрым, к человекам зла не имевшим. За ночь никто их не потревожил – ни враг, ни зверь, ни нечисть какая, хотя и заснули сном мертвецким все, даже кордоны княжеские. Собрались воины, умылись, насытились, благо было чем, и снова в путь отправились дальний. Домой, на север.

Пока двигались они в направлении родины своей, Вячеслав все думу думал о старике чародее и словах его мудреных. Как понять их? Что за радость придет к нему вместе с горем, и что ждет его в дали туманной? Долго думал князь, но так и не разрешил загадки сей силой своего ума княжеского. Порешил, что жизнь сама покажет, что будет. Да и чародей говорил: «Узнаешь, когда срок выйдет.» Значит, нечего судьбу торопить, хотя и знать хочется наперед, что свершится в скором времени. А когда показались вдалеке терема высокие, да церквей маковки Солнцеграда родного, так и вовсе излечился князь от дум тяжелых, да и витязи его, славой покрытые, также приободрились. Вступили они в город родной, хоть и малым числом, а победители. С высокого терема махала им рукой Настасья Фаддеевна и дочь любимая княжеская Ксения.

Много дней и ночей потом поминки справляли по воинам русским, аварами убиенным. Ибо так обычаи велели и старые дедовские и новые, что принес с собой Вячеслав из земель Византийских и укреплял в народе своем. А спустя еще времена немногие, праздник начался. Так уж заведено, что всему свой черед на Руси – и помирать и пировать, все надо успеть. Устроил Вячеслав пир на весь мир по случаю победы великой над аварами грозными, коих долго теперь не видать в своих супротивниках русичам, ибо поселили они в сердцах аварских страх доселе невиданный.

Все склоны холма княжеского, на коем терем возвышался, столами долгими уставили, каждый из них скатертью убрали домотканною. Столы яствами вкуснейшими покрыли и питием всяческим. На пиру том множество гостей было добрых из вотчин княжеских, ближних и дальних. Был там Северин Святославич, князь Владимирский. Был Юрий Дорианович, князь Новгородский. Мал Олегович был, князь Рязанский. Посетили великого князя и богатыри его верные: Горыня, Усыня и Дубыня. Сели они по левую руку от князя, как он сам велел, – то была для них честь великая. Ну а справа от Вячеслава патриарх Викентий сидел, а рядом Настасья Фаддеевна и дочь любимая княжеская Ксения. Пир тот веселым был ибо апосля кручины тяжелой завсегда отдохнуть телом и душою надобно. Ели и пили все помногу и гуляли подолгу. Позвал князь на пир тот гусельников и сопельщиков, чтоб народ музыкой сладкой веселили, ну а те уж расстарались на славу. У гостей, да и хозяев, ноги сами так в пляс и просились.

На пиру Вячеслав, славою покрытый, мед пил, речи застольные говорил, а сам все на дочь свою Ксению из-под тишка поглядывал. А та только казалась веселою, а сама очи свои опустить так и норовила – не любила Ксения пиров княжеских да веселия шумного. Ей более по сердцу уединение было в светлице и книги византийские, к коим ее отец духовный патриарх Викентий приучал с любовью и радением, ибо приходился ей родным сродственником. Любила Ксения с кормилицей своей говорить о том, что в книгах писано про земли далекие, про Бога единого для всех тварей живых, про людей чудных, что живут за морями синими, про зверушек разных диковинных, страсть ей это было интересно. О мечтах своих девичьих редко она обмолвится. А ей ведь осьмнадцатый годок уж минул, скоро и замуж отдавать надо. Красива была царевна, красоты неопикуемой. Волосы длинные русые по плечам ее опускались, стан гибкий, словно ивушка, от лица глаз не отвести, глаза голубые бездонные, словно озера глубокие, улыбнется – будто солнышко взошло на небе. Вячеслав порешил выдать ее за мужа достойного, чтоб и в силе находился и умом крепок был, а стар он или млад – то не дело главное.

Почитай все князья удельные с сыновьями своими на пиру гуляют. Друг с дружкой в силе и ловкости состязаются, чтоб внимание Ксении привлечь, а той и дела нет до них. На вид смеется, а сама думу непонятную думает. Княжичи молодые на мечях быются, копыя ломают,

на шести высоченные за сапогами красными для царевны лазают. Мужья достойные в возрасте крепком умом состязаются меж собою, загадки загадывают, истории занятные да правдивые сказывают, а Ксения только взглянет слегка на них, послушает историю, улыбнется светлой улыбкой своей, и опять – словно нет ее здесь. Очень любил ее Вячеслав, да только никак понять не мог, о чем она думает, и отчего людей веселых дичится. Ведь **царева** дочь как никак, и повелеть должна уметь и строгость показать, чтоб всем видать было кто она есть. А Ксения добра была и скромна, жалела зверушек, и кротость имела в нраве своем, хоть и блестел в ее глазах огонек загадочный. Этого-то огонька князь и опасался слегка. Как не спросит, о чем мыслит царевна, не кручинится ли из-за печали какой девичьей, все одно отвечает Ксения: «Ты не бойся, батюшка, ни о чем недобром не помышляю. О тебе я думаю, о матушке. О земле нашей родимой, о солнышке». Не мог Вячеслав в толк взять, кто ж ей в мужья сгодится. Кто счастья дать сможет. Да только пока не сильно князь великий кручинился, ибо дело было молодое, спешки сильной еще замужество царевны не требовало. Еще много воды утечет, подрастет царевна чуток, авось переменится, к делам государственным интерес проявит, да на князей удельных вниманье свое обратит. Ну а ежели нет – то Вячеслав сам ей мужа выберет, как срок придет. Ибо государство руки сильной и ума светлого требует, а случись что – кто князя заменит на престоле? Сыновей у Вячеслава не было, а врагов по границам государственным – хоть отбавляй. Да и в своей земле завелись ироды. Один путь – отдать дочь за мужа достойного, добродетельного, чтоб защитой был ей и Руси великой. Но покудова Вячеславу некогда было женитьбой заниматься, в походах и заботах о земле русской время проводил великий князь Солнцеградский.

Минул год цельный с той поры. Свершило солнце свой круговорот. И холод был за это время и снег, и морозы терзали землю трескучие, люди Посту Великому учились, а потом Масленицу праздновали. А после чего тепло вновь случилось, солнце в силу входить стало, урожай посеяли. На Ивана Купалу молодняк весь в леса подался клады искать промеж папоротников и веселиться. Так и лето началось.

Посередь лета того решил Вячеслав на берегу речки Светлой, что текла издавна вокруг Солнцеграда великого и плескался у подножия холма, на котором стоял терем княжеский, построить пристань удобную. Солнцеград купцами, да ремесленниками своими в ту пору давно уже славился, только торговали они все больше посуху. Обозы их с товарами по лесным дорогам сквозь чащи пробирались. А в лесу и князь не всегда хозяин был.

Много в Солнцеград-город в то время уже и купцов иноземных наведывалось из дали далекой, ибо здесь всегда выгодно было торговать, да и приобрести много диковин всяких можно было. Мастера местные, кузнецы, плотники, да горшечники далеко за пределами Руси славились своими изделиями. Особенно, кузнецы. Такие мечи да топоры ковали, никакой мастер на Востоке далеко повторить не мог с их изделий солнцеградских, сколь не пытался секрет разгадать русичей. А еще в землях отдаленных славились камнерезчики местные. Иной раз, такую вазу, а ли кубок из малахита вырежут, что ни в жисть глаза отвести невозможно от дива такого дивного. Все государи восточные гонцов слали к Вячеславу за изделиями из камней диковинных, да он сам их не редко одаривал. Ибо дарить любил князь Великий, более чем продавать.

К лету сему, меж тем, порешил Вячеслав облегчить жизнь купеческую и построить пристань на берегу реки Светлой, которая из далека несла свои воды широкие, сливаясь там с другими реками, и по ней лодьи с товарами ходить могли, хоть от самого моря. А как решил, так тотчас и повелел строительство сие начинать. Да чтоб получше заморских пристань была. Только зря Вячеслав волновался. Лучше русских зодчих по дереву никто на всем белом свете работать не умеет до сих пор. Такие терема в его царстве подымались повсюду, что далеко за пределами Руси слава о красоте их неопикуемой ширилась. А как поверил Вячеслав в бога Единого, так велел своим зодчим повсюду, во всех городах и селах церкви ставить и монастыри

для Служения. Народу же своему от рожденья стал имена давать новые, странные. Не сразу народ привык к тем названиям чудным, кои и выговорить-то русичу трудно было, но привыкал постепенно, а пока звался промеж себя именем старым, а на людях новым.

К концу лета пристань у подножия холма княжеского построили. Деревя на нее много пошло, да только леса не обеднели – вокруг Солнцеграда много леса росло, а по всей Руси и того больше. Пристань вышла на славу, крепкая, широкая, на сваях деревянных возвышалась она над берегом. Теперь купцы заморские могли без страха и с удобством великим караваны свои водить путем речным из дали далекой с товарами. За раз десять лодий больших могло пристать к ней, а ли бессчетное количество лодок мелких.

На всякий случай велел Вячеслав выстроить рядом с пристанью две башни высокие смотровые. Их для дозору дальнего за лодьями и для войны неожиданной можно было приспособить. А для обережения пристани городской изготовили умельцы местные луки громадные, что поднять нельзя было числом менее десяти мужиков. Луки те на башни дозорные подняли и укрепили так, что метать они могли стрелы длиннейшие во врага на расстоянья великие. Стрелы те длинной с копьё были, а шириной с сосну молодую приходились. Такая попадет – пришибет на смерть, а ежели паклей конец обмотать и поджечь, то и запалить чего-нибудь можно издаля.

Помимо постройки пристани еще одно дело великое произвел в то лето князь Солнцеградский. Велел Вячеслав русло реки Светлой в местах особо мелких углубить настолько, чтобы любая крутобокая лодья, а не только плоскодонные суда проходить могли без опаски всю реку. Сказано – сделано. Денно и ночью, не покладая рук, трудились мужики над работой сей трудной. Выковали кузнецы ковши мудреные, коими мужики за веревку со дна землю доставали, да в лодки складывали, и работа споро пошла. Только почитай на месяц река Светлая вдруг мутной сделалась от возмущения донного. Мужики опасались, как бы Царь Водяной на них кикимор не напустил, потому как трудно ему стало по реке на своем соме огромном прогулки делать, ибо не видать в воде ничего стало от замутнения постоянного. И взаправду – утопи скоро трое мужиков. Но кикиморы их защекотали, а может сом съел зубастый, про то точно никто не ведал, ибо дело ночью было. Бултых в воду и нет их. Сказывали, правда, что той же ночью под водой свечение огней наблюдалось и движение их необъяснимое. Видать, уволокли мужиков тех в подводное царство рыбам на съедение. Но, Вячеслав от своего слова не отступился – считал он, что земной царь выше подводного стоит, значит и бояться его не должен. А скоро и работу закончили.

Как прознали купцы заморские про улучшение путей судоходных – потянулись в Солнцеград караваны людей крутобоких со всех стран заморских, соседям на зависть и удивление. Всех привечал Вячеслав, всех старался одарить подарками дивными. Меха собольи дарил, камения драгоценные, кубки чудно кованные – купцы довольные разъезжались. И во всех странах пошла молва о русском царе гостеприимном и щедром. Еще больше потянулось гостей в Солнцеград великий с товарами редкими и забавными. Даже живность всякую везли на продажу, а то для забавы за товары какие показывать.

Однажды привезли на лодье большущей в город на берегах Светлой реки стоявший, зверя чудного – сам здоровенный, уши широченные, нос длиннющий, из под носа рога белые торчат, как у коровы, только длиннее. А звался тот зверь невиданный мудрено – слоном. При нем погонщики с кожей цвета черного, а на голове у них тряпки белые намотаны. Цельную неделю зверя того у пристани показывали. Он и бревна ворочал тяжеленные, и погонщика своего ногами, толщиной с дерево, топтал не до смерти, и на лапах задних стоял, словно заяц какой. До того забавно это было, что у мужиков и баб рот от удивления всю неделю не закрывался. Только нельзя понять было, что их более забавляло – то ли зверь невиданный, то ли мужики черные, коих отродясь на Руси не видывали.

А когда чужестранцы уплыли восвояси, в народе спор вышел великий по этому поводу. Еремей-плотник сказал, что мужиков черных на свете не бывает, а этих будто специально в золе изваляли и сажей вымазали, чтобы народ позабавить. Вавила-кузнец утверждал, что бывают мужики черные, они от черных баб рождаются, кои живут за горами далекими и ведьмы все как одна. Еремей стоял на своем и даже предложил лодью со зверем заморским и мужиками черными догнать по берегу на конях, мужиков изловить и насильно в бане помыть – мол, на поверку они белыми окажутся. Вавила в ответ дал ему в глаз правый, ибо спорить подолгу не любил. Затем вмешались мужики соседские и вышла большая драка промеж них, аккурат напротив пристани новой. Мужики все пьяные были и, похватав колы да палки ближайšie, изрядно поднамяли бока друг другу. Могли бы и насмерть зашибить, но тут отряд дружинников подоспел княжеских. Особо буйных в реку покидали для освежения головы, потом выловили и на берегу сохнуть кинули, а остальных утихомирили, да по домам разогнали. Пристань, к счастью великому, не пострадала. А то ведь и подпалить могли невзначай.

Ближе к осени, когда уже деревья все золотом да багрянцем покрываться начали, пришла в Солнцеград лодья странная. Искусной работы лодья та была: бока медью кованы, а дерево на боках и весла цветом красным отливали. Гребцы бородатые в ней сидели. Ветер парус белый с золотом наполнял, а на нем знак непонятный начертан был. Быстро шла лодья, словно летела над волнами. Как пристала, вышли из лодьи три старца седовласых в одеждах белых, поклонились церкви на холме недавно выстроенной, и попросили изволения к Вячеславу на поклон попасть, ибо есть у них для князя известие важное.

Принял князь их, да скоро отпустил. Уплыла лодья, а Вячеслав печален сделался. Были то посланники византийские, земли дружественной, но привезли они вести черные. Далеко, на землях жарких заморских, росла угроза великая, доселе невиданная. Кабашон – властелин мавров, людей черных, ночью рожденных, готовил погибель земле русской. Сбирал он под знамена свои все народы христороотивные, большую часть коих составляли сарацины, берберы, да племена людоедов диких. Опечалился Вячеслав, что прошли времена спокойные, песнопевные, а грядут времена черные, дикие. Смерть увидал вдали и плач по всей земле русской.

Встал князь, расправил плечи широкие и в горницу вышел, где дружинники его дожидались храбрые. Окинул их взглядом тяжелым и повелел:

– Послать сей же час гонцов во все концы земли моей, в города верные, князьям удельным. Пусть ведут немедля дружины свои в Солнцеград, на защиту земли русской. Богатырей моих, где бы ни были, к себе зову.

– Дело говоришь, князь, – отвечали ему дружинники.

Поклонились они затем, сели на коней быстрых. и поскакали выполнять слово княжеское.

Глава 5. Иван и меч

Аккурат в том месте, где озеро Белое разливается ширше всего, срубил свой дом кузнец Афанасий, по прозвищу Битник. Срубил крепко, на долгие годы. Чтобы кровом служил и ему и семье его обширной. Из окон все озеро великое было видать, а супротив дома, на другом берегу возвышался град княжеский, что имя от воды сей получил и Белоозером прозывался.

В ту пору княжил там Андрей, Вячеславов брат младшой. Землю свою Афанасий Битник от князя Андрея и получил навечно за заслуги в мастерстве своем кузнечном. Никто во всей обширной земле белозерской не мог лучше него подковы конской выковать, да меча лучшего сотворить. Как пришла пора, взял в жены Афанасий крестьянскую дочь Усладу. Из бедных она была, а приданого за ней вообще не водилось. Но Афанасий на сие не посмотрел, потому как сильно полюбил он девицу, в доме своем хозяйкою полной сделал.

Родила ему Услава четверых мальцов, чтобы было кому в старости помочь, да на кого хозяйство оставить. Все росли сильные да веселые. А когда пришел месяц просинец, от синевы неба имя носивший, родила Услава пятого сына. Окрестили его Иваном, окунувши в купель ледяную, да благословили на жизнь долгую.

Подрастал малец не по дням – по часам. Мать с отцом не нарадуются. Однажды случилось Афанасию подковы в своей кузне мастерить. Хоть в вечеру дело было, да время жаркое: того и гляди небо грозой разродится. Ивану в ту пору уже шестой годок шел. Прибежал он к отцу в кузню, сел поодаль, да и стал наблюдать за работой отцовской, за огнем да искрами, что во все стороны разметались от ударов могучих. Заглянула в кузню и бабка Агафья, что жила в починке отдаленном, пришла она Афанасия просить, чтоб пособил немного, косу справил. Отошел отец от наковальни с Агафьей слово молвить, а Ивана-то такая охота до молота разобрала, что не смог он с собой совладать. Подбежал к молоту пудовому, схватил, да как ухнет по наковальне, на которой подкова лежала – от подковы брызги одни во все стороны полетели. И в ту же минуту гром громыхнул в небе, будто расколосось оно, и полил с неба дождь сильнейший.

Увидал Афанасий, чего шестилетний малец вытворяет и чуть разума не лишился. А бабка Агафья узрев сие молвила – быть ему богатырем сильнейшим, какого не видала еще земля русская. Сказала так и исчезла, будто и не было её вовсе. Сказывали колдунья она была, знахарка. А после того дня и не видал ее никто более. Однако, долго еще в кузне запах полыни висел, напоминая о знаменнии.

С той поры, как Иван сию твердую подкову в дрызг размозжил, стали люди примечать за ним дела всякие необычные. Вроде бы малец еще, а на коне быстром скачет не хуже всадника опытного из дружины княжеской, из лука мощного стреляет – словно с ним и родился. А спустя пару лет и с мечом управляться стал Иван, как воин заправский. В кулачном бою, что в Белоозере каждой весной князь Андрей устраивал, не было ему супротивников. В ухо даст – закачаешься. Все братья его, хоть и старшие, а смотрели на него с уважением.

Случилось раз Ивану по берегу Белоозера зимой идти – по делам кузнецким ходил он отцу помогать в село соседнее. Вдруг видит, телега, товарами груженная, с купцом пьяным, что с ярмарки возвращался, на лед озерный въехала. Видно, купец путь хотел скоротать, да не вышло. Не проехал и трех саженьей, как лед под телегой ломаться стал. Купец и глазом моргнуть не успел, как в воде оказался, а телега с конем и вовсе на дно ушла. Увидал Иван – дело плохо, скинул с плеч тулуп, да в воду бросился. Студена вода была, но по счастью не глубока в том месте. Выволок Иван из нее купца пьяного на берег. Апосля чего во второй раз нырнул, коня полудохлого отвязал от телеги, что на дне лежала, и на свет Божий вытянул. Не мог Иван допустить того, чтоб животина за зря по пьяному делу пропадала. За товаром купеческим, правда, нырять не стал. Посчитал, пушай купцу сие событие уроком будет.

Другой раз летом дело было. Ходил Иван в лес по грибы-ягоды, далеко в глушь забрался. Целный день бродил по лесу, почитай три кузова с горкой малины набрал. А как домой засобирался, то услышал вдруг вопль человеческий недалече. Прибег на место, а там медведь-людоед мужика-добытчика ломает. Вовремя поспел Иван. Не долго думая вырвал он с корнем березу немолодую, что первой подвернулась, да как огреет медведя лютого по хребтине – так и переломил хребет. Медведь тут же и издох. Взвалил Иван себе на спину обоих: медведя дохлого, да мужика полудохлого, и отнес в деревню за десять верст. Мужик тот, медведем поломанный, выжил, слава Богу. По сей день Ивану свечки ставит. А медведя на тулупы пустили.

Прожил так Иван несколько годков буйных молодецких. А как исполнилось ему пятнадцать лет полных, вызвал Афанасий Битник сына в кузню на рассвете и молвил:

– Сыне мой родной, ты теперь совсем большой стал. Нет тебе уже сейчас во всем Белоозере супротивника ни в играх, ни в бою кулачком, ни в забавах молодецких. Красив ты лицом, да силен телом. Видно была права колдунья Агафья: выйдет из тебя богатырь великий, всей Руси защитник. А раз так все обернуться может – нужен тебе меч богатырский. В нашем роду все кузнецами были: оружия много ковали. Да оружие это, хоть и хорошо делано, богатырской силы не имело. Ибо меч богатырский, силы невиданной, можно либо в дар от другого богатыря получить, либо руками своими выковать. Великанов таких, как Никанор-Богатырь, что целое войско один побить мог, в нашей округе давно не бывало. А потому, видать, суждено тебе самому меч богатырский ковать. Да только ковать его нужно десять лет и десять дней с утра до ночи. Только тогда он в самую силу войдет и победить сможет того, кому предназначен. Не видать на мече том будет во веки вечные ни щербинки, ни зазубренки. И уж коль случилось так, что ты кузнеца сын, с этого дня вся кузня моя тебе отходит. Бери железо лучшее, да куй меч великий для дел грядущих. Я тебя на них благословляю.

При словах сих сотворил Афанасий знамение крестное над сыном, да вышел прочь из кузни, и по смерти свою там не появлялся. А Иван, услышав завет отцовский, сей же час за дело взялся. Не видать его стало в боях кулачных на дворе княжеском, не скакал он боле по полям широким на коне сильном, не стрелял из лука по птицам хищным, позабыл забавы веселые, девиц красных покинул на время, отчего они все закручинились, да в кузне своей запершись, стал ковать богатырский меч.

С той поры примечать стали жители белозерские, как ударит Иван по наковальне сильнее обычного, в тот же час в небе гром грохотать начинает и дождь с небес зачинает лить сильный. Со временем действие сие небесное обычным стало в Белоозере, в примету вошло, а Ивану в народе прозвище дали сообразное. Стал он прозываться – Иван Громобой.

Минуло с тех пор аккурат десять годков. И вот, в один из дней начала лета, окончил свою богатырскую работу Иван. Отворил он дверь в кузню, рукой отер пот со лба, да на свет Божий вышел. Огляделся по сторонам Иван и не узнал деревню свою: домов в ней словно прибавилось, только какие-то стали обожженные все, может пожар сильный приключился. Людей не видать совсем. Все кругом позаросло, поменялося.

Оставил пока Иван меч свой богатырский в кузне на наковальне и пошел на озеро ополоснуться разок, а то апосля десяти лет без мыться серьезного кожа что-то зудела. Вот идет он по тропке меж домов и видит картины странные. Дома по деревне стоят все больше обгорелые, люди как завидят его – в лесу ближнем хоронятся. Странно это показалось Ивану. Искупался он, меж тем, в озере, смыл с себя грязи десятилетние, а душа так в пляс и запросилась. Хорошо стало Ивану, разлегся он на бережку. Лежит, наслаждается. Вдруг – что за чудо непонятное – заслонила солнце темень великая, сразу словно ночь опустилася на землю посереде дня. Закачались деревья на берегу озерном от ветра страшного, к земле пригнулися, поломалися. Забурлила вода в Белоозере. Вкочил Иван, в небо смотрит, а над ним, словно рыбина огромная с брюхом чешуйчатым, проплывает на восток нечисть непонятная, огромная. Затмевает собой она свет солнца младого. Вот закончилось ее тело длинное, открылось солнце опять и

сразу на земле светло сделалось, перестал ветер шуметь, волнение на воде успокоилось. Улетело чудо-юдо в края заморские, не стало на деревню иванову опускаться... Подивился Иван сему явлению, не видал он отродясь такого, чтобы нечисть такая страшная в небе летала. Что творится теперь в земле родной узнать ему захотелось.

Вернулся он на двор свой поскорее, в дом зашел, а в доме пустота. Все быльем поросло – на лавках пыль, по углам – хлам, на печке – грязи десятилетние. Куда, думает, мои сродственники, братья, да отец с матушкой подевались? Постоял так, поразмысливал, а потом опять на двор вышел. Воротился в кузню и вынес из нее меч богатырский – испытать его надобно было по всем обычаям. Чуть поодаль на дворе три березы росли ширины немаленькой, да все три ствола из одного корня исходили. Подошел Иван поближе к ним, размахнулся в треть силы, да как рубанет мечом аккуратно вровень с землей – как серпом три колоска подрезал. Обрушились те березы на землю с треском-грохотом. Воробьев только распугали. Стал Иван дальше меч богатырский испытывать. Огляделся вокруг: дуб стоит столетний у дороги, в три обхвата шириной. Приблизился Иван, вжик мечом в полсилы – аж земля затряслась от того падения дуба столетнего. Развалился он на несколько частей огромных, ибо трухлявый был. Пень только от дуба и остался. Еще раз огляделся Иван, на чтобы полную силу применить. Смотрит, рядом валун придорожный лежит. Размахнулся Иван, и как рубанет мечом по валуну тому огромному – словно сметану рубанул, так легко меч сквозь камень прошел и в землю вошел. Распался валун на две части равные.

Присел Иван на пень от дуба оставшийся, да стал измысливать, какое бы еще испытанье мечу богатырскому придумать. Как бы его на чем потруднее испытать. Стал тут к нему народ с домов окрестных подступать-собираться. Скоро окружила его толпа немалая. Были то старики, мужики и дети малые. Ни одной девицы среди них не увидал Иван и удивился. Стали они наперебой ему горе свое рассказывать. Мол, пока ковал Иван свой меч в кузне отцовской, да подрастал понемногу, завелся в краях белозерских страшный змей о шести головах, дальний сродственник царя морского. Прилетает он чуть не каждый день, палит избы и девиц красных в полон берет в свое царство далекое. Уж десять лет над людьми измывается, все вокруг пожег, всех разорил, дружину княжескую почти всю извел, никто супротив него встать не может, ибо силен змей о шести головах, обладает силой дьявольской. Отец, мол Иванов, кузнец Афанасий, один на змея того выступил, да съел его змей и не поперхнулся даже. А мать Ивана зато с собой унес и оженился на ней в своем царстве насильно. Да и остальных девиц всех скоро перетаскал туда, так что остались в деревне одни мужики да дети малые, дома и посева сожженные. Бывает змей шестиглавый не сам прилетает, а воинов своих страшных присылает в деревню за данью, оттого и испужались люди поначалу, когда Ивана увидели, отвыкли от него уже. Думали – то за данью от змея воины приехали, да только теперь в нем Ивана и признали.

Услыхал Иван Громобой, что случилось с отцом и с матушкой, да с краями родными, закручинился сильно. Стал думу думать, что делать теперь. Да только мужики ему говорят – один ты у нас остался защитник. Дружина княжеская почитай вся и полегла в битве со змеем. Защити ты нас от змея шестиглавого, спасу нет, как замучал. Да жен наших освободи из плена. Как сказали это, вдруг подходит к Ивану бабка Агафья, которую не видал никто уже больше десятка лет, ибо пропала она сразу после предсказания о судьбе ивановой. Подходит и говорит:

– Ты не бойся, богатырь, змея страшного. Расскажу я тебе как его изжить со светцу белого. Перво-наперво вот тебе клубок с нитями, доведет он тебя до самого змеева царства. Идти туда далеко-далеко, трое сапог истопчешь, три посоха изломаешь. Стоит то царство на горах высоких крутых, что в небесах теряются. Внизу, у подножия пещера есть, перед ней озеро невеликое, сторожит ее змей морской двуглавый. У берега стоит челн без весел. Ты садись в тот челн и толкнись хорошенько, да примеряйся чтобы к пещере пристать. Как поплывешь через озеро, змей тебя съесть захочет. Да как он голову над водой подымет, ты его богатырским мечом и руби. Только так примеряйся, чтоб сразу ему голову отсечь. Ежели с одного раза не

отсечешь, то сам там и сгинеешь. А как срубишь голову змееву тотчас за собой голоса услышишь – руби еще, руби еще! А ты не руби. Если вдруг рубанешь его тело чешуйчатое еще раз – сгинеешь навеки. Как пристанешь к пещере, выходи не бойся. В пещере той лежат когти железные, кои по горе тебя вверх понесут. Ты заходи в пещеру – когти сами наденутся. И сразу в горы полезай. Лезть тебе ровно месяц. Пока подыматься будешь, три раза к тебе будут змеи летучие прилетать, а ты их мечом секи и приговаривай: «Удержи меня скала-матушка!» Как подымешься в царство змея шестиглавого, разыщи дворец его. То не трудно будет. Стоит он на вершине горы самой высокой из шести гор. Охраняют его змеи трехглавые. Вот их победить – задача немалая. А ежели победишь, то выйдет к тебе чудо ужасное сам шестиглавый змей, морского царя сродственник. Будешь биться с ним ты три дня и три ночи. А чтоб силы в тебе не ubyло, ты перед битвой последней испей три раза из чарки вот этой водицы сильной, она тебя всегда поддержит.

Сказавши так бабка Агафья протянула ивану чарку пустую.

– Как достанешь ее она сама водицей наполнится, чтобы силы тебе дать великие змея победить и другие дела добрые исполнить.

Взял чарку Иван, да за пояс положил. А Агафья еще молвила:

– Остальное все в том царстве найдешь.

И снова пропала, будто ее и не было вовсе. Осмотрелись мужики кругом, да никого не увидели. Снова стали они Ивана просить о заступничестве. Посидел Иван, пообмыслил поход дальний, надо идти матушку от змея выручать, пора было и богатырем становится. Меч свой, что десять лет ковал, на змеевой шее попробовать.

Только решил он это – задрожала земля вокруг. Мужики в лес хоронится кинулись. Встал Иван, глядит: облако пыльное к деревне приближается. Только, по земле оно стелится, а не по небу летит, значит земная нечисть пожаловала. То дюжина воинов в доспехах черных и шеломах рогатых на конях вороных скачет за данью от змея шестиглавого. На конях мешки висят уже чьей-то данью набитые, видать не в первую деревню слуги змеевы пожаловали.

Встал Иван во весь рост, меч свой рядом в землю воткнул, подбоченился и говорит:

– Вы зачем пожаловали гости-дорогие?

Подъехали воины страшные рогатые совсем рядом и говорят:

– Подавай мужик лапотный дань змею шестиглавою, а не то деревню твою до тла спалим, а самого на березе повесим.

Рассмеялся Иван и говорит:

– А ты попробуй сначала вражина меча богатырского!

Схватил меч и ну им над головой махать – такой свист поднялся. И пошел на воинов змеевых. Те мечи свои похватили, на Ивана бросились всем скопом. Да куда там! Как начал рубить их меч богатырский – только руки-ноги в стороны полетели. Разошелся Иван, размахался, не остановится ему никак. Раззудись плечо! Скосил он всех воинов чернотелых, словно молодой овес, вместе с конями порубал. Устлали они телами своими весь двор кузни ивановой, да и сгнили тут же на дым черный изойдя. Видать душа у них была черная. Осмотрел Иван поле своей первой битвы с нечистью и озадачился. Догадался Громобой, что меч-то сам рубил, а он ему только путь указывал.

Понял тут Иван, что богатырским мечом еще овладеть надобно, самому богатырем сделаться, подстать оружию. И стал в дорогу собираться. Взял хлеба чуток, земли родимой горсть, да чарку волшебную, что старуха Агафья подарила. Подвязал меч и за спину его закинул. В руки взял посох, надел сапоги первые и в путь дорогу отправился куда глаза глядят и сердце вещует.

Долго шел он, коротко ли, две пары сапог уже истоптал, два посоха изломал, и пришел в лес дремучий. Глядит, а посреди поляны колодец стоит замшелый. Притомился Иван, лег рядом на траву под сосной высокой, положил под голову меч богатырский и задремал. Как раз

ночь на землю опускаться начала. Снится ему, что к земле его родной со всех сторон войны собираются черные, видом страшные. Лодьи крутобокие в путь готовятся. Небо синее черным от птиц становится с лапами когтистыми и клювами ужасными. Очнулся Иван под утро, решил, что близко уже царство змеево, вот и видятся ему всякие мерзости. Осмотрелся – все спокойно вокруг. Поел ягод диких, запил водой из чарки волшебной, силы в нем сразу так прибавилось, что троих еще понести бы смог. И снова в путь тронулся.

Прошло еще дней множество. Идет Иван сквозь лес дремучий вперед, не оглядывается. Уже третьи сапоги истоптал, третий посох изломал. Много рек да ручьев перешел вброд. Глядь, а перед ним горы стоят высокие, в самое небо упираются. Лес дремучий тут и закончился. Вышел Иван в чисто поле, что перед горами высокими расстиралось, глядит, а на поле озеро обширное плещется. А за ним пещера в горе чернеет глазом птичьим. Пригляделся, и правда – рассекает волны змей о двух головах. Головы те мерзкие, с рыбьими схожие, пасти у них клыкастые, глаза желтые. Тело змеево чешуей стальной переливается. Осмотрел берег ближайший Иван. Видит, стоит челн без весел. Взял он в него, на пещеру примерился, да оттолкнулся силой сильною. Пошел челн волны озерные рассекать. А змей, как Ивана увидал, так на встречу ему и поплыл. Забурлила пеной белую вода вокруг тела его, пошли волны по берегам озерным.

– Смерть твоя пришла, человечина неразумная! – змей рычит.

А Иван знай стоит себе, выжидает. Меч богатырский на изготовку взял. Подплывает змей о двух головах к челну и головы свои из воды высоко высунул. Вздрыбился он над челном, пасти разинул, клыки обострил, языки змеиные как жала ядовитые струятся. Кинулся змей на Ивана, а Громобой как рубанет мечом богатырским, и враз отсек обе головы от тела чешуйчатого. Повалились те головы в озеро глубокое и на дно камнем опустились, замутив все вокруг кровь черною, отчего озеро потемнело и черным до дна сделалось. Так всегда бывает. Ибо повсюду, где озера с черной водой встречаются, водились раньше змеи многоглавые.

Только отсек Иван те головы змеиные, а сзади кричат:

– Руби еще, руби еще!

Глянул Иван, а тело змеево на воде еще плавает, кольцами свивается. Но не стал рубить, как бабка Агафья наказывала. Тут же тело то чешуйчатое на дно пошло за головами своими, а Иван к берегу скалистому пристал. Входит он в пещеру, огляделся. Увидал когти железные, что поблескивали тускло во тьме пещерной. Только подошел к ним, а они ему на руки сами и наделись. Подался Громобой из пещеры на свет белый, окинул взглядом леса бескрайние, что за полем раскинулись, повернулся к скале, меч богатырский за спину закинул, и полез вверх по стене отвесной. Думал тяжело будет, а когти железные сами в небо несут, куда вершины упираются.

Поднимается так Иван Громобой по скале отвесной первую неделю. Уж земля почти из глаз пропала. Едва озеро видать, словно блюдце малое оно сверху кажется. Дни идут, за ними ночи проходят, вдруг чует он заволокло небо тучами черными. Молнии ветвистые небо растрескали. Прилетает невесть откуда чудище летучее крылатое, с глазами желтыми, пастью страшенною, огнем во все стороны плюется и приговаривает:

– Эй Иван, песий сын, смерть твоя пришла!

А Иван ей в ответ:

– Не торопись похваляться вражина горяченная!

Подлетел змей уж совсем близко, сейчас уж съест Ивана. А тот изловчился, меч свой достал, да повис на одном когте железном. «Удержи, – говорит, – меня скала-матушка!» А там как рубанет мечом и нет больше змея летучего. Отрубил ему Иван голову. Вспыхнул змей словно факел, крылья свои перепончатые, будто ноги лягушкины сложил, и камнем на землю далекую рухнул. А Иван меч обратно за спину пристроил и полез дальше в гору.

Проходит так неделя вторая. Земля уж вовсе из виду скрылася. Прилетает второй змей страшнее первого. В два раза больше пасть у него, а глазищи словно луны в ночь безоблачную

сверкают. Огнем пышит, молнии от него во все стороны разлетаются. Пасть разинул, глаза выпучил. На Ивана Бросился. А Громобой не будь дурак. Меч свой выхватил на когте железном повис. «Удержи меня скала-матушка!» – крикнул, и отрубил тому змею голову. Скрылся змей факелом горящим в облаках и упал на землю далекую, аж скала содрогнулась.

Проходит время, уже близко конец пути, царство змея шестиглавого. Да только нет все покою Ивану. Прилетает самый большой змей из трех. Тело его чешуйчатое во тьме сверкает броней, глаза словно костры в ночи видятся, крыльями огромными машет, ветер нагоняет.

– Прощайся с жизнью Иван, – кричит змей, – не победить тебе меня никогда!

– Ну значит вместе помрем! – Громобой отвечает, – Удержи меня скала-матушка!

Схватил меч, изловчился, на когте железном повиснув, и отсек голову змею. Слово вошел меч богатырский, никакая броня ему не помеха. А как отсек меч третью голову змея летучего аж засветился светом малым мерцающим во тьме, будто обрадовался победе сей.

Тут и скала кончилась. Вылез Иван на просторы поднебесные, осмотрелся. Когти железные сами собой отпали. Широко раскинулась царство змея шестиглавого, что повадился селенья на Руси жечь. Слово поле каменное бесконечное, лежала пред Иваном страна та неизведанная, в небо упиравшаяся. Вкруг нее только облака клубились из разных мест земли путь свой совершавшие, и о горы сии разбивавшиеся. Только в дали далекой царства змея возвышались шесть скал высоких, а одна из них была самая высокая. На ней то и стоял дворец змея шестиглавого. Туда стопы свои и направил Иван по прозванию Громобой.

Идет он так три дня и вдруг видит лежит рядом с валуном птица огромная, с орлом видом схожая, едва не больше того валуна. Когти здоровые, клюв мощный, глаза желтым светом светятся. Лежит не трепыхнется, крылья распластав. Подошел Иван, а орел и говорит:

– Помоги мне, добрый молодец. Перебили мне крылья злые вороги, слуги царя шестиглавого. Шестой месяц лежу здесь, уж сил не осталось совсем, скоро помру. Переверни меня, да ороси водой из чарки своей. А я тебе службу сослужу.

Достал Иван чарку из-за пазухи, глядит – а она уж полная. Перевернул он орла, видит – крылья и взаправу переломаны, в крови запекшейся все. Оросил крылья его из чарки волшебной Иван и орел сразу сильным сделался. Встрепенулся и говорит:

– Спасибо тебе Иван за дело доброе. Помог ты мне, а то уж я помирать собирался. Сам не знаешь, что помог ты орлиному царю над всеми орлами здешними головою что является. Зовут меня царь Илитор. Как пойдешь обратно – без меня тебе отсюда не выбраться, а я тебя здесь ждать буду.

Поблагодарил его Иван Громобой за помощь обещанную и пошел своей дорогой. Долго ли шел он, коротко ли, а пришел к самым шести скалам высоченным, что в самое поднебесье упираются и в небе звездном кончаются. Глядит а на самой высокой скале стоит дворец змея шестиглавого – черный весь, острыми башнями усеянный. От него к другим скалам мосты висячие перекинута на цепях тяжелых. Только стал Иван измысливать как ему ко змею подбраться незаметно, да ударить наверняка, прилетают вдруг к нему змеи страшные о трех головах. И числом их ровно три. Каждый треть неба закрывает, чешуей блестит, когти острые на лапах, крылья перепончатые лягушачьи по ветру распластали, хвостами шипастыми машут.

Набросились они на Ивана всем скопом. А он увидел рядом валун огромный, встал к нему спиной и обороняться изготавился. Вот налетает первый змей. Пасть разинул, огнем пыхнул. Иван как рубанет мечом, разрубил пламя огненное на две части, оно в стороны и разлетелось. Пожгло все кругом на версту, да таким жаром, что камни потекли, словно смола горячая. Только тот валун, что за Иваном был, стоять остался. Налетает второй змей сильнее прежнего пыхнул огнем огненным, так, что камни вкруг Ивана в озеро каменное горящее превратились на десять верст вокруг и сто сажений в глубину. А Иван опять пламя мечом рассек и сам жив остался. Налетает третий змей. Пыхнул огнем. Сжег все на сто верст вокруг. Иван будто на том

свете очутился: нет вокруг ни гор, ни земли, одно месиво каменное горящее. Но опять жив богатырь вышел из схватки той.

Отлетели от него в первый раз змеи трехглавые. Подул тогда с неба ветер холодный и снова камни застудил. Не прошло и мгновения лишнего, а змеи опять подступились к Ивану. Подлетает первый змей, ударил богатыря – Громобой по колено в камень вошел. Но изловчился Иван, махнул мечом, и отхватил ему все три головы за раз. Подлетает второй змей, ударил Ивана, тот по пояс в землю вошел. Но была еще сила в руках богатырских. Размахнулся с плеча и отсек все головы змеевы уродливые. Упали они на камень и кровью черной все окрест залили.

Третий змей налетает, а Иван уж по пояс в камне сидит. Хоть и силушки уже не много осталось, но не просит он у змея роздыху. Как набросился на богатыря змей, Иван примерился и вспорол брюхо ему. Рухнул змей издыхающий рядом с богатырем, а тот размахнулся еще раз и отсек ему все головы. Содрогнулись небеса над царством змея шестиглавого, ударили молнии ветвистые на равнину каменную, погибли слуги его верные.

Поднатужился Иван Громобой, богатырь из Белоозера, напряг свою силушку остатнюю и вылез из камня крепкого на поверхность. Стоит – на ветру качается, силы его последние покинули. «Как же, – думает, – я с хозяином сего царства биться буду, матушку мою родимую выручать стану, ежели еле на ногах стою?» Вспомнил он тут про чарку заветную колдовскую. Достал ее – а она уж полная. Отхлебнул один раз, чует, силы столько стало, что валун огромный в три обхвата, правой рукой поднять сможет и далече кинуть. Отхлебнул второй раз, чует, силы опять прибавилось: может дуб столетний с корнем из земли вытянуть и пополам переломить легонько. Отхлебнул в третий раз – все ему нипочем стало.

Содрогнулись тут горы великие, посыпались с них камни тяжелые. Подул ветер сильнее прежнего. Осветилось небо всполохами яркими. То сам хозяин царства сего – змей о шести головах из дворца своего на битву с Иваном вылетел. Тело его, чешуей покрытое, полнеба занимает, хвост острый за гребни скал задевает, а головы ужасные пасти острозубые скалят. Опустился змей к богатырю и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.